

АННА
АЛОРА

ВЕДЬМОЧКА
В БОЕВОЙ
АКАДЕМИИ

Анна Алора

Ведьмочка в Боевой Академии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70078825

SelfPub; 2023

Аннотация

Мой фамильяр напортачил с порталом, и вместо Академии Чародейства и зельеварения я очутилась в Боевой Академии. Но мой дар еще толком не раскрылся, а этот невыносимый ректор почему-то совсем не торопится меня переводить. Вот скажите, что тут делать, ведьмочке? Боевые искусства изучать? И почему он на меня так странно смотрит временами... А мое сердце замираетПервый том.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	67
Глава 13	72
Глава 14	77
Глава 15	83
Глава 16	88
Глава 17	94
Глава 18	99
Глава 19	105
Глава 20	111
Глава 21	117
Глава 22	123
Глава 23	128

Глава 24	135
Глава 25	141
Глава 26	147
Глава 27	153
Глава 28	160
Глава 29	167
Глава 30	172
Глава 31	178
Глава 32	184
Глава 33	190
Глава 34	194
Глава 35	199

Анна Алора Ведьмочка в Боевой Академии

Глава 1

– Магистр, вы с ума сошли? – я сузила глаза и подбоченилась. Между прочим, я ведьма. Это вам о чем-нибудь говорит?

Я разгневанно смотрела на этого потрясающе красивого и столь же потрясающе самоуверенного мужчину.

Мои глаза метали молнии, а он только прищурился и даже не подумал убрать руки с моей талии.

– Это ты в своей Академии зельеварения ведьма. А в моей Боевой академии обычная адептка первого года.

Я с ужасом смотрела на его породистое лицо, которое совсем не портил шрам на левой щеке. А потом зажмурилась и затрясла головой.

Одеяло слетело и я, вся мокрая, вскочила с кровати.

Светлая мать, приснится же...

К чему бы?

И тут я все вспомнила. Ведь сегодня третий день, как бабуля ушла к Светлой матери, а в такое время чего только не

присниться.

Только мне и в голову не могло прийти, что сон-то окажется вещим!

Я вздохнула и, вытирая злые слезы, которые лились из глаз, нагнулась и подняла котелок.

Тяжелый, зараза.

И кто сказал, что в наше просвещенное время в самой лучшей Академии чародейства все приборы в наличии?

Нет, нет и еще раз нет!

Не знаю, что у них там в алхимических лабораториях, не знаю.

А вдруг обычные медные котелки?

Я покосилась на свой, доставшийся по наследству от бабули.

Бабуля у меня была ведьма простая, деревенская. Науками не замученная. Ко всему сама доходила, своим собственным ведьминским умом.

Я с сомнением взвесила котелок и поняла, что с этим наследством, кстати, единственным, до Академии не доберусь засветло.

Но оставлять его здесь, в разом осиротевшем домике на окраине деревни, мне не хотелось совсем. Ведь дома и стены помогают. А мне от стен хоть этот котелок достался.

Вдруг поможет на новом месте?

Я вздохнула.

Нет, вы не подумайте только, что я только и делаю что вздыхаю да горюю.

Просто день сегодня такой вот. Третий день пошел, как бабуля ушла к Светлой матери.

А значит, что из деревни нужно уходить как можно быстрее.

Тикать надо.

Иначе не успеешь оглянуться, как нагрянут селяне под предводительством старосты Веньки и разом сожгут домик.

И ведь ничего не попишешь. Принято так. Испокон веку заведено, как ведьма покидает этот мир, так и домик ее за ней. Чтобы потом собрать весь пепел до самой мелкой пепелинки и покрыть им потом все огороды да поля.

Урожай на следующий год снимали вдвое, а то и втрое больше обычного.

А мне надо тикать, да поскорее. Ведь старостин сын Тимофей, туповатый детина под два метра ростом, не упустит своего.

Кто теперь защитит бедную ведьмочку?

Я кровожадно усмехнулась и посмотрела на котелок.

Нагнулась над ним и тихонько прошептала:

– Рыська, ты тут?

Раздалось недовольное урчание и на меня уставился золотистый глаз в обрамлении пушистых ресниц.

– А где я должен быть, по твоему? Вот молодежь пошла... Никакого уважения к старому, заслуженному фамильяру.

Только вздремнешь на минутку, опять двадцать пять за рубль деньги.

Я хмыкнула:

– Да ладно, Рыська. Тебе всего-то сотни полторы, разве это возраст.

Из котелка раздалось возмущенное шипение:

– А ты вот доживи, доживи до моих лет-то, тогда и поймаешь-шь...

И наконец:

– Ну что тебе, горе мое луковое?

Я вздохнула:

– Так тикать надо, Рыська. Третий день уж к закату.

Из котелка показались сначала маленькие ушки, потом немигающие, золотистые глаза, а затем шикарные усы.

Рыська широко зевнул, показав устрашающую пасть с длинными, белейшими клыками.

Мгновением позже он уже стоял рядом, на влажной от выпавшей вечерней росы траве и принюхивался.

– Уже идут. Вот же народ. Нет, измельчал народишко. Измельчал. Нет, чтобы до утра хоть подождать.

Ох, годы мои, годы, – проскрипел Рыська и глянул на меня в упор:

– Ну, Ведяна, что стоишь-шь? Или не знаешь, что делать?

Знала я. Все я знала. Но... вот так, сразу, в один миг проститься с родным домом...

Я посмотрела вокруг, на такой знакомый лес с вековыми

соснами и темными, спускающимися почти до самого мха, ветвями елей.

Трава только-только зазеленела.

И тут меня как громом поразило. Вот же я растеряха-то! Ведь приготовила травы редкие, травы полезные, да и оставила на лавке у дверей.

Я опрометью бросилась в дом.

– Ведыка, куды-ы?! – зашипел Рысь и встопорчился.

Беспокойтся, значит.

– Ближко, они ближко уже. Я чую, и факелы зажгли.

Я подобрала юбки и кубарем скатилась с крыльца. Чего-чего, а встречи с Тимофеем я хотела меньше всего.

Рысь мигнул и приняохался. Поднял правую лапку и прикоснулся к котелку.

Я же едва успела схватиться за него, как услышала задыхающийся хриплый голос:

– Скорее, да скорее батька! Как бы не убегла девка-то.

И в ответ раскатистый бас старосты:

– Не лезь поперек батьки, Тимошка. Все по правилам сделаем. Сначала – дом попадим, а уж девка – дело пятое.

От этого уверенного баса меня пробрало до костей. Стало так холодно, но, слава Светлой матери, голова у меня закружилась и я быстро отключилась.

Пришла в себя я от того, что чьи-то руки, твердые и мозолистые, хлестали меня по щекам.

Голова моя, бедная моя голова, моталась из стороны в сто-

рону, но глаза упорно не открывались.

Вот он, отходняк. Вот что значит отсутствие тренировок.

А ведь говорила мне бабуля, сколько раз говорила, мол, Ведяночка, ты хоть раз в недельку да вызывай Рысю своего.

Котелок для этого дела всегда освобождала от остатков зелья, даже когда варила зелье от неутолимой любви.

Да, бабуля моя была ведьмой экстра-класса. Хоть и самоучкой. До всего сама дошла. Я-то дело другое. Росла в неге и холе, что и говорить. Знала, что мне в Академию отправляться придется. А куда деваться-то?

Ведьмочек, которые остались на свете одни-одинешеньки, только Академия и могла принять.

Потому как дар. А дар надлежит развивать под присмотром.

А то ведь как семнадцать исполнится, так и пойдет все наперекосяк.

Мне вот уже восемнадцать. И оставили меня при бабуле только потому, что она со мной вполне справлялась. После смерти же...

Я застонала и, так и не открыв глаза:

– Хватит... Ну хватит же бить меня по щекам! Я уже. Уже я.

Пришла в себя, говорю.

Я мотнула головой и отбросила чужую жесткую ладонь и наконец открыла глаза.

Глава 2

И поскорее их закрыла. Открыла еще раз и стала тереть как сумасшедшая. Дожила я. Вот не даром говаривала бабуля про тренировки-то. Мерещиться всякое начинается. И ладно бы что хорошее. А то рожи страшные, мужицкие и глаза, зеленую сверкающие. Мамочки...

Я приоткрыла один глаз. Точно. А зубы-то, зубы-ы у него.

— Так, девонька, кончай-ка ты дурака валять, – раздался хриплый смешок.

— Вижу, пришла в себя, – ворчливо произнес непонятного рода собеседник.

Я же решила держаться до последнего. В конце концов, девица я или рядом проходила? Девица. Стало быть, полагается мне и в обмороке повалиться чутка еще.

— Эка... Беда с вами, провинциалками, – пробормотал мужчина.

— И ведь инструкции посылаешь загодя, все расписываешь понятно даже младенцу. Так нет. Через раз вот такая чертовщина, – вздохнул он и вдруг заорал как зверь бешеный:

— Нет, увольняюсь! И не просите, не умоляйте! Да хоть и сам ректор пусть просит! Хватит. Намайлся за последние сто лет. Прямо как последний ванька-встанька. Симеон то, Симеон се. А то, что Симеон оборачивался последний раз

полгода назад, это вам как?

Мужик орал целую минуту, не меньше. Пострадал, видно, за эти годы изрядно. Я же лежала ни жива, ни мертва. Только мысленно перелистывала старую-престарую книгу, которую когда еще бабуля сказала выучить наизусть. А я что? Выучила, конечно. Хворостина в руках единственного родного существа была весомым аргументом.

Итак, на кого же этот мужик из той старой и очень полезной книги походил все-таки? Ведь явно не человек.

Я все-таки открыла второй глаз. Нет, нужно больше света. Ничего толком не видно. Только повышенную волосатость его и удалось разглядеть.

— Ну, все, девонька. Открывай глаза и не бойся дядьки Симеона. Не съем, – забасил наконец успокоившийся мужик.

Я и открыла. Не съест же? И что он там про ректора-то говорил?

— Вот и молодцом, – высокий, сутулый...мужчина протянул мне руку. Я за нее схватилась и тотчас оказалась на ногах. Рука оказалась очень даже знакомая. Сухая, жесткая, мозолистая. Я даже схватилась за щеки. Щеки горели. Еще бы. Так нахлестал Симеон этот.

— Так-та-ак, – протянул Симеон неизвестной пока видовой принадлежности. – А где же, позволь спросить, твое оружие?

Я икнула.

— К-какое оружие?

Симеон нахмурился и недоуменно осмотрел меня с ног до головы:

— Позвольте... Родовое, конечно. Родовое оружие! Кто же прибывает в Академию боевой магии без собственного оружия?

Только самоубийцы, – тихо пробормотал он, но я-то чай, ведьмочка, я услышала.

И икнула еще раз, и так громко, что даже застеснялась.

Нет, все-таки бабуля была права. Нужно было больше тренироваться. А то вот чудятся всякие непонятные существа мужицкого полу и говорят про оружие. Похоже, у меня галлюцинация после перехода. Ведь когда я последний раз порталом-то пользовалась? Прямо стыдно стало. И не помню уже, когда. Но это не значит, что я стану молчать. И я не стала:

— Какое оружие?! Я ведьмочка, между прочим! И если вы говорите про оружие, то оно всегда при мне, – я трянула головой и зашипела. Голова все еще кружилась. Но это не помешало мне залезть в глубокий нагрудный карман и вытащить оттуда несколько мешочков с драгоценными травками.

— Вот! Смотрите! – я потрясла перед лицом осатаневшего от моей наглости чрезмерно волосатого мужчины мешочками с пахучим содержимым.

– Тут, знаете, не одну Академию можно и отравить и на ноги поставить, – подбоченилась я и только сейчас поняла, что же я несу. Ну кто же сразу раскрывает все карты? Эх,

Ведянка. Язык твой – враг твой.

Волосатое существо несколько побледнело и попятилось. Сразу видно, что за время своей долгой жизни он встречался с ведьмами. Вот сразу. Видишь, какой тихий да благостный стал. Даже очами изумрудными сверкать перестал. Сиял, не без того, но вот без этой нахрапистости.

— Ведьмочка?! – дядька Симеон аж покачнулся. – И за каким же лешим ты в Боевую Академию прибыла? Неужто, – он несколько пришел в себя и усмехнулся, – травить боевых магов, гордость и надежду государства?

Я запунцовела и потупилась. Ну, вырвалось у меня, вырвалось. Ведь, в конце концов первый раз, чай, из дома родного так далеко оказалась. Одного я только не поняла, почему в Боевой-то академии. Я с сомнением посмотрела на бабулин котелок, который стоял у стеночки и выглядел совсем как обычный котелок ведьмы средней руки.

Дядька Симеон проследил за моим взглядом и поднял бровь. Ну, на его заросшим темным густым волосом лице это была ведь бровь, верно? Глаза его пришли сначала в движение, потом зрачки остановились и лоб, тоже заросший весьма густо, разгладился.

— Во-от оно что-о, – протянул Симеон и задумчиво поскреб щеку пальцем. Ногти на его руках покрывал свежий лак неяркого приятного тона. У меня глаза на лоб полезли. Он что, ногти красит, как какая-нибудь боярского роду девица?! Но ума у меня все-таки хватило глаза скорее отвести.

В конце концов, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Но я не выдержала:

— И что это значит-то? Как я здесь оказалась?

Ведь я ж должна была попасть в Академию чародейства, а вовсе не в эту вашу, боевую!

Симеон же только отмахнулся и крадучись приблизился к котелку. Ну нет! Я вихрем пронеслась мимо и прижала родной котелок к груди. Еще чего. Коснуться котелка ведьмы в ее присутствии?

Да он сам самоубийца!

Глава 3

Откуда ж ему знать, что у меня в котелке Рыська? А он чужих страсть как не любит. Полпальца оттяпать за раз сможет. Мне же этого волосатого Симеона еще и лечить придется.

Нет, так дела не делаются. Мало того, что не в ту Академию попала, так сразу с членовредительства начинать? Не дело это. Конечно, я сама и вылечу его на раз-два, благо и травки имеются, да и парочка зелий припрятана в стратегическом месте.

Но зачем создавать прецедент?

Я прижалась к стене, затравленно глядя на приближающегося мужчину. А глаза-то у него, мамочки, ведь засверкали пуще прежнего.

Из котелка послышалось сдавленное недовольное ворчание. Рыська ведь сразу почувал, что к нему приближается чужой. И не понравилось ему. Он ведь у меня такой собственник. Ревнует опять, поди. Я вздохнула и едва слышно шепнула:

– Молчи, только молчи, Рыська. Авось пронесет.

Мужик же волосатый, надо отдать ему должное, сразу затормозил. Вот точно, тертый он калач. Видно, вспомнил, что котелок для ведьмы больше, чем просто котелок. Да любая ведьма дорожит своим котелком почти также, как собственной непорочностью. Ну, понятное дело, до инициации. А вот

котелком дорожит до конца своих дней, да.

Рыська понятливый у меня. Рыкнул и замолк. Затаился, стало быть. Когда же мужик остановился, я сразу почувствовала, что фамилляр даже взгрустнул. И понять ведь можно – давно своих боевых качеств никому не показывал. Мирно мы жили в домике на краю леса.

И тут из моих глаз вдруг прямо ни с того, ни с сего, полились слезы.

Нет, ну что ты будешь делать...

Подумаешь, не в ту академию попала. И Симеон этот, вон, обходительный.

А реву.

Стою, прижимаю к груди котелок и реву белугой.

И волосатый не в меру Симеон замер и беспомощно смотрел на меня. Потоптался на месте и таки рискнул потихоньку приблизиться:

– Ты, это, девица, не горюй. Отправим мы тебя в твою академию, отправим. Вот как только ректор наш с облавы вернется, так и сразу, – забасил он, неловко переминаясь с ноги на ногу.

А я только тяжело вздохнула и размазала слезы по щекам. Хлюпнула носом и загундосила:

– А когда он вернется?

Симеон пожал могучими плечами, обтянутыми форменным камзолом и вытащил откуда-то огромный цветастый носовой платок.

– Вот, бери. Чистый. Вытри слезы-то да нос сопливый. Чай, семнадцать исполнилось только что и сразу в Академию отец с матерью отправили?

Я только рукой махнула, но платок поскорее схватила. Стыд какой. Сама-то не догадалась залезть в глубокие боковые карманы верхней юбки.

– Не-а, – вздохнула, – восемнадцать мне.

Симеон нахмурился удивленно.

– И нет у меня мамки с папкой, – я хмуро на него посмотрела и прижала котелок к груди еще сильнее.

– Ну, ты извини, если что, – сказал вдруг волосатый Симеон и моргнул.

– Стало быть, тебя поселить теперь надобно, – пробормотал он задумчиво.

А задуматься было о чем.

Академия Боевой магии была заведением престижным и сугубо мужским. Когда-то. Сейчас-то времена изменились, конечно. Но не до такой степени. Насчитывалось девиц всего четыре, которые и жили в одной комнатке. Куда девать неожиданно-негаданно свалившуюся ему на голову пятую, бесменный комендант Академии, отдаленный потомок степного орка и прекрасной оборотнихи, Симеон Сотвал, ума не мог приложить.

Разве что в ту, заброшенную Светлая мать знает, как давно, комнатку на чердаке? Неудобно как-то. М-да. Неудобно. Но что поделаешь?

– Зовут-то тебя как, красавица? – задумчиво спросил Симеон.

– Ведяной кличут, – в тон ему отозвалась я. Вот вижу, мужик явно задумался и аж притих. Похоже, у них тут с жильем-то плоховато. А я ведь слышала про эту Боевую Академию. Не сказать, чтоб много. Много-то про нее мало кто слышал. Что, мол, там только те учатся, у кого родители маги не ниже третьего уровня.

Это, значит, на нашем, ведьминском языке, типа ведьм третьего круга. На самом деле, не бог весть что.

И что вся Академия на государственном довольствии. Ну это и понятно. Будущие защитники государства ведь.

Не то что в нашей, Чародейской Академии. У нас обучение платное. Хорошо еще, что плата за обучение вносится постепенно, частями, как только в семье рождается ведьмочка. Ибо плата довольно-таки велика. Правда, некоторые могли позволить себе оплатить полностью и сразу. Но это редкость.

Я с подозрением посмотрела на мнущегося волосатого Симеона.

Вот чует мое ведьминское сердечко, чует, что с жильем точно напряженка.

После недолгих, но напряженных раздумий лоб Симеона разгладился. Он вздохнул и преувеличенно бодрым голосом заявил:

– Ну что же, Ведяна. Раз такое дело, поселим мы тебя и

поставим на довольствие до прибытия нашего ректора Сандра Огненного.

Я и рот раскрыла.

Так у них ректором сам магистр Сандр Огненный! Бабуля мне о нем все уши прожужжала в свое время.

Но постойте-ка...

Это сколько ж ему лет, выходит?

Я захлопнула рот вовремя, так что ничего из него не вылетело. И хорошо. Учусь, учусь, похоже. А то бы опять чего ляпнула. Язык мой...

– Так что прошу следовать за мной, – Симеон перешел на официальный тон.

– И да. Именно следовать. Ты понимаешь, что это значит, Ведяна? – строго спросил он и глаза его опять засверкали изумрудом.

Конечно, понимаю.

Что я, маленькая, что ли?

Слава Святой матери, прибыла, правда, невесть каким образом в Боевую Академию. Охрана тут будь здоров.

А, стало быть, придется мне идти за ним как ниточка за иголочкой.

Что называется, шаг влево, шаг вправо – и проблем на мою пятую точку будет предостаточно.

Хотя вот интересно, как же с такой-то охраной они пропустили мой портал-то, а?

Глава 4

Не успели мы выйти с дядькой Симеоном, как навстречу нам выскочил запыхавшийся вихрастый первокурсник. Ну, я так думаю, что первокурсник. В селе, рядом с которым был наш домик, вот как раз такой паренек приезжал на побывку. Глаза горят, плечи расправил да голову высоко поднял, а руки-то трясутся у него.

И, главное, в меня пальцем тычет.

Я на всякий случай остановилась. Ведь Симеон-то встал тоже.

– Чего тебе, Лавр? – недовольно осведомился он. Паренек захлопнул рот и опустил руку.

– Так это, магистр, ведь ведьма...

Симеон поднял бровь:

– И что?

Лавр сглотнул, попятился и разом посмирнел:

– Ничего, магистр. Просто... Откуда она взялась? Ведь у нас же защита и всякое такое...

Симеон только рукой махнул:

– Не твоя забота, первокурсник. Ты куда шел, в библиотеку?

Лавр кивнул, одним глазом косясь на меня.

– Вот и следуй намеченному плану, – ворчливо добавил мужчина.

Ого! Да дядька Симеон, оказывается, самый настоящий магистр. У них в этой академии новоприбывших встречают магистры? Вот это да-а.

Я-то подумала, что он комендант здешний.

Или это только для меня, такой вот невезучей одинокой ведьмочки, которую угораздило попасть не туда...

Я вздохнула и покосилась на дядьку Симеона.

– Стой-ка, Ведяна, – мужчина остановился у незаметной дверцы в конце длинного коридора, который, оказывается, мы умудрились уже пройти.

Открыл ее, заглянул и поморщился. Зашел сам и поманил меня рукой.

А я что?

Зашла, конечно. И тоже поморщилась. Пыльно тут у них. Интересно, кто уборкой-то занимается? Домовые совсем страх потеряли.

И тут что-то загудело и маленькая эта кладовочка, меньше, чем в нашем домике, где мы обычно держали всякий огородный инвентарь, вдруг сдвинулась с места. У меня прям сердце в пятки ухнуло.

Я ахнула и чуть котелок из рук не выпустила. Хорошо, о стенку оперлась.

Подъем закончился быстро. Симеон открыл дверцу и вышел первым.

Я же немножко струхнула, что и говорить. Но вздохнула и вышла за ним. Ведь след в след надо. Пока не получу допуска

ихнего.

– Что, испугалась? – по-доброму усмехнулся мужчина и в глазах его показались смешинки.

– Непривычно... – протянула я.

– Да, это вам не порталы настраивать. Вот руки такому настройщику оборвать бы, – ухмыльнулся дядька Симеон.

– Старинный артефакт, ныне еще действующий, – пояснил он наконец. Подъемник называется, не слыхала?

Я только головой замотала.

– И то, – согласно кивнул мужчина. – Ты ж в селе жила, откуда у вас.

– Не в селе. А на окраине леса, – поправила я его. Так нам такие артефакты и не к чему. Куда подниматься-то?

Домик у нас в один этаж. И еще чердак, конечно. Куда ведьме без чердака, да еще чтобы хорошо проветривался. Просторный был да чистый, – пояснила я ему, удивляясь собственной разговорчивости.

Так-то я не особо разговорчивая. Больше тишину люблю да природу. Я вздохнула. Где теперь природа? У них тут, в боевой-то академии небось сплошь полигоны.

– Ну вот, Ведяна, – сказал Симеон и достал из кармана камзола старинный, со следами ржавчины, ключ. Подошел к единственной на этом верхнем этаже дверце и сунул его в скважину. Что-то заскрежетало и дверца будто нехотя стала открываться.

Симеон заглянул в открывшееся помещение и замялся на

секунду.

– Проходи. Пока тут поживешь. До приезда ректора.

– И пока никуда не выходи. Допуск будет только завтра, сама понимаешь, – он строго посмотрел на меня.

Я нахмурилась:

– Вот прям совсем не выходить? Кушать-то хочется, – добавила я грустно. Желудок тотчас издал голодную трель, а в котелке было заворчал Рыська. Симеон тотчас насторожился и прищурился.

Я громко так закашлялась и незаметно стукнула кулачком по котелку.

Рыська притих. Вот сообразительный он у меня. Местами.

– Кушать хочется... – протянул Симеон. – Ну, положим, кушать тебе принесут. Раз такое дело. Ужин у нас через час. Распоряжусь.

Но чтобы до завтра – ни ногой, Ведяна. Ни ногой из этой комнаты.

Не хватало мне потом собирать твои бедные косточки, – буркнул он и открыл дверь пошире.

– Заходи, располагайся. Постучат в дверь, откроешь и будет тебе ужин, – вздохнул он и посторонился.

Я расцвела как маков цвет, когда про ужин-то услышала. Мы, ведьмы, покушать любим. И Рыська у меня не промах. Даром что вроде и не совсем живой, а вот кушать любит. “И куда в него лезет-то?” бывало, удивлялась бабуля. И правда. Рыська ведь у меня фамильяр необычный даже для ведьмы.

Или это я такая вот ведьмочка уродилась со странностями.

Я прошмыгнула мимо дядьки или магистра все таки? Си-меона в выделенную мне комнату.

Дверь за мной тотчас захлопнулась и раздался тихий звон.

Стало быть, магический замок с моей стороны сработал.

Теперь точно до завтра не выйдешь никак.

Я подняла глаза и огляделась.

Права я была. Права вот полностью. В боевой академии явные проблемы с жильем для адептов.

Передо мной была грязная, покрытая вековой пылью комната с единственным круглым занавешенным густой паутиной окном. У стены стояла выдавшая виды односпальная кровать со свернутым матрасом. У окна – колченогий стул и ветхий столик. Больше в комнате не было ничего. И очень она мне напоминала наш с бабулей чердак. Такая же просторная.

Для одной меня даже слишком. А грязь? Ну, ведьмы грязи-то не боятся.

Интересно, а есть тут, ну, эти удобства...

Я поставила котелок у стеночки и зашлепала в дорожных башмаках по пыли, выискивая заветную дверцу.

Глава 5

Не нашла.

Вот что это такое, а? Значит, заперли ведьмочку до завтра и все дела? Нет, так дело не пойдет!

Я нахмурилась, закусила губу и кинулась к двери. Это ничего, что я ростом не вышла. Кулачок-то у меня тяжелый. Забарабанила со всей силы, только звон стоял. Звон все нарастал, нарастал и наконец что-то вдруг тренькнуло и наступила тишина.

Я, порядком подуставшая, выдохнула и привалилась к двери.

А дверь возьми да и откройся...

Вот не вру, честное слово!

Я даже замерла, не смея поверить своему счастью. Это что же, я сломала магический замок? Надо же. Новые таланты у меня появляются на глазах прямо.

Сломать магический замок надо уметь. Их ведь зачаровывали на совесть маги, почитай уровня второго, не меньше.

Отдышалась я и потихоньку выглянула в щелочку. Выглянуть-то выглянула, а вот выходить побоялась. Допуска нету.

Вот что ты будешь делать, Светлая мать?

Может, и пугал меня дядька Симеон, насчет косточек-то...

Я вздохнула и посмотрела на мирно стоящий у стены ко-

телок. С подозрением посмотрела. Что-то уж слишком тихо да мирно. Не характерное такое поведение для моего фамильяра...

Я прищурилась и решительно направилась к котелку.

– Рыська? Ты где, Рыська? А ну-ка вылезай, защитничек, – прошипела я гремучей змеищей. Вот терзать меня стали смутные сомнения, постепенно переходящие в уверенность.

Из котелка не доносилось ни звука. Будто не Рыська вот только что пытался рычать, намекая на то, что кушать ему хочется.

Сомнения стали переходить в уверенность. Нехорошую такую. Я прищурилась и тряхнула котелок:

– Та-ак... Твои проделки, негодник ты этакий?

Я тряхнула котелок еще раз, да как следует. А ему, гаду, все равно. Похоже, опять свалил в пространственный карман. Да уж... Повезло мне с фамильяром, нечего сказать.

Я вздохнула и сказала уже тише:

– Ладно, вылезай.

Рыська сразу почувствовал изменение моего настроения и из котелка высунулось маленькое ушко, свернутое трубочкой. А вот глаз Рыська не казал. Чувал свою вину.

– Рассказывай, – строго сказала я. И он тотчас откликнулся. Понимает, что когда так строго – то не шучу совсем.

– Признавайся, хоть не специально? – буркнула я. Злилась, конечно, сильно. Иначе б про “специально” даже не

сказала бы. Какой же фамильяр своей ведьме напакостит по злему-то умыслу? Нету таких фамильяров в природе.

Да я так сильно разозлилась, что даже и аппетит пропал и всякое желание посетить местные места, похоже, все-таки общего пользования.

Из котелка показался вслед за ушком возмущенная мордочка Рыськи. Оранжевые глаза сверкали, а шикарные усы, которые висели как сломанные веточки, поднялись к самим ушам:

– Ты же -шь, шь, – зашипел обиженно Рыська. Ведянка... Ты говори, да не заговаривайся. Фамильяр обиженно сверкнул глазами и незаметным глазу движением вытек из котелка.

Красавец.

Все таки какой он у меня красавец. И размера такого, подходящего. С приличного волкодава будет.

Рыська стоял и смотрел на меня обиженно и в то же время виновато. Глазки-то забегали, ага.

Я вздохнула и повторила:

– Рассказывай давай. Не тяни.

– Эх, Ведянка, – приободрился Рыська. – Ну, чутка не то направление задал... Так когда ж мне было сосредоточиться-то? Когда? Селяне ж эти уже почти на хвост наступали. Да ты еще за травками рванула. Конечно, дал маху. Но ведь немного совсем!

Рыська, по мере того, как рассказывал, приободрился все

больше и больше. Я тут же вспомнила тяжелый старостин бас и нетерпеливый голос Тимошки. Дрожь прошла по телу. Мы, ведьмы, существа уж больно чувствительные.

Я вздохнула.

Вдохновленный моим молчанием Рыська поднял лапку вверх указующим жестом:

– Ты, Ведянка, посмотри на это дело под другим углом-то. Ну, промахнулись малость. Не в Академию чародейства попали. Но ведь в Академию! Да еще какую, – фамилляр распалился, глаза засверкали пуще прежнего. Правда, ушки все таки он держал прижатыми.

– Эх, Вядяна... Боевая Академия, ты это пойми...

Тут я не выдержала:

– Что, что я должна понять-то? Знаю про нее. А вот что в моей-то, чародейной, вдруг займет кто мое место?

Рыська ошалело на меня посмотрел и даже головой затряс:

– Не-ет, Ведянка... Ты после портала и правда как-то... Да кто ж твое место занять может, оно ж наследственное?

И правда. Я точно от переживаний голову чуть не потеряла.

– Во-от. Так что успокойся, Ведянка, и скажи мне, между прочим, большое ведьминское спасибо! – Рыська муркнул как обычный домашний котик.

А я вот опять взбеленилась:

– Как вотогрею тебя чем ни попадя, узнаешь тогда мое спасибо!

– Да за что же спасибо-то? За то, что и переодеться не во что, и жить вот придется невесь где, и выйти не могу даже в туалет? Вот за это?!

Фамильяр сложил лапки на груди и прислонился к стене:

– Нет, все-таки непонятливая ты ведьма, Ведяна. Счастья своего не понимаешь.

Вот тут я окончательно разозлилась.

– Счастья?! – завопила я как ополоумевшая базарная торговка, у которой только что мальчишка выхватил из корзинки теплую, свежую булку.

– Я тебе покажу счастье! – я огляделась вокруг, в поисках чего-то тяжелого.

И тут раздался осторожный стук в дверь.

Глава 6

Я тотчас насторожилась и махнула Рыське. Рыська, который уже прижал уши так, что те почти приклеились к голове, тотчас исчез.

Прямо на глазах. Был Рыська, и весь вышел.

Еще бы. Он же у меня редкой породы-то. Сумрачные рыси, не слышали? Ну, о них мало кто слышал. Это мне одной вот так повезло. Характерный, конечно, Рыська у меня. Но и достоинств не малых. Вот раз – и опять нырнул в котелок, а оттуда и в подпространство, в свой родной дом.

Я отмерла:

– Кто там? Входите, не заперто, – и сама дверь-то и открыла пошире.

На пороге нарисовался, ошалело глядя на меня, тот самый парнишка, который попался нам с дядькой Сименом по дороге. Лавром он его тогда назвал. Молоденький совсем. Вот у меня мог бы быть такой младший братец. Наверное. Но, увы, не было. Глаза у парнишки, чистые, голубые. Уши этаким лопухшом.

Прыщи на лбу да на щеках.

Вот нет у них тут ведьмы-то. Нормальная ведьма уж помогла бы. Да и я могла бы. Есть у меня одна травка, кровавица называется. Уж больно хорошо кровь-то очищала.

Парнишка от моего взгляда прямо совсем стушевался. Наверное, слишком уж я на него пристально смотрела.

Хоть и неприлично вот так уставиться девушке на юношу. Но я ж по-ведьмински смотрела-то и как на братца, вот честное слово. Ведьма я, что поделать. Мы ведь вот сразу видим, где какая неполадка у человека, ну или не человека. И сразу думаем, чем помочь можем.

Натура наша такая.

А глаза поскорее все равно опустила. И правильно сделала.

Ведь в руках у первокурсника был поднос с тремя горшочками под крышечками и маленький чайничек. Я прямо почувствовала, что там свежее заваренные травки мои любимые – зверобой, Melissa и чабрец.

– Да что ж ты стоишь-то, Лаврик, – залилась я соловьем и скорее отступила в сторону.

– Заходи, заходи скорее! –

Глаза у меня загорелись, в желудке заурчало, рот наполнился слюной.

Лаврик тяжело вздохнул и затоптался на месте.

– Ну что ты медлишь-то? – и тут до меня стало доходить, что парнишка-то боится. Ну, может это и сильно сказано, но опасается. Точно. Неужели меня?!

Стало вот обидно даже. Меня, юной и беспомощной ведьмочки, опасается адепт Боевой Академии? Неужели я так страшна-то?

Я нахмурилась:

– Ну что, так и будешь стоять? Давай тогда поднос сюда, – и я с великой готовностью потянулась к подносу.

Паренек сглотнул и с готовностью протянул его мне. Ничего не понимаю. Обычно я произвожу на парней совершенно другое впечатление.

Я схватила поднос и скорее отнесла его на стоящий у окна колченогий столик. Грязноватый, конечно. Но что делать?

Есть-то хочется.

Услышала, как Лавр облегченно вздохнул и скорее повернулась. Еще уйдет, чего доброго, а мне столько нужно у него

узнать.

– Спасибо тебе, Лавр, – по-доброму сказала я, – и дядьке Симеону передай спасибо. Спасли вы от голодной смерти бедную ведьмочку.

Лавр только головой качнул.

Странный юноша, странный.

– На тебя что, молчун напал? – пошутила я. Надо же разрядить обстановку и хоть какой контакт наладить с первым встреченным мною адептом.

Парень открыл было рот, но потом все-таки закрыл и покраснел еще сильнее.

Да что с ним такое-то?

Ничего не понимаю. Может, со мной что-то не то?

Скорее оглядела себя.

Вроде одета прилично. Ну, юбки-то помялись чутка, да на рукаве приличных размеров дыра. А так вся при всем я девушка. Русая коса, как водится, до пояса и все девичьи прелести при мне. Правда, худовата я, конечно. Зато глаза у меня синие-синие, как лазурит камень, да на пол лица.

– Иль ты меня боишься? – вдруг дернул меня черт за

язык. Я подбоченилась и тряхнула косой. И по затравленно-му взгляду Лаврика поняла, что – боится. Меня.

– Еще чего! – отмер наконец паренек. – Мне, адепту Боевой Академии бояться какой-то там необученной ведьмы?

Я вздохнула.

Ничего он не понимает. Как раз необученной-то и надо бояться. Хорошо еще, что я хоть ведьмочка и молодая, но обученная неплохо. Бабуле спасибо.

А ведь, похоже, паренек-то никогда с нашим братом не встречался. Слухов-то про ведьмочек полно ходит.

Да и...

Тут я вспомнила, что вроде слышала от бабули-то, что есть какие-то терки между боевыми магами и ведьмами.

Или были. Когда-то.

Светлая мать... Я раздраженно покосилась на котелок. Сидит себе там Рыська и в ус не дует. Спасибо ему еще говори, а? Придумал чего.

Я оказалась не где-нибудь, а именно в Боевой Академии. И прямо сейчас наблюдаю результат этих терок и вот это вот все.

Вот почему мне так не везет, а?

– Ну, а раз не боишься, то и заходи, Лаврик. Не съем я тебя, – вздохнула я и приглашающе махнула рукой.

– Кстати, а почему у вас домовых нету? – неожиданно спросила я.

Лаврик моргнул и немного расслабился. Но тут вдруг за-

шебуршился в котелке Рыська. Вот кто запах еды уловит даже через закрытую наглухо крышку!

Паренек покосился на котелок и тут глаза его расширились.

Я тоже покосилась. Чего это он? Видеть моего фамильяра он никак не может. Это только я могу, ну, и те, кому дам разрешение, конечно. До сих пор это была только бабуля.

Лаврик сглотнул и с восхищением зацокал языком:

– Ты, это...ведьма... Красавец, да какой красавец, – вдруг засюсюкал первокурсник, а я с подозрением на него посмотрела и на всякий случай подошла поближе к своей собственности.

Странный парнишка. Котелок у меня, конечно, не самый простецкий. Бабуля в свое время за него отдала очень неплохие деньги плюс три сложных зелья. Но чтобы совершенно посторонний человек его еще и красавцем величал?

Лаврик же прямо вот глаз с него не сводил. И тут вдруг мой Рыська решил предстать во всей красе перед этим вот совершенно посторонним прыщавым парнишкой!

Сначала из котелка показались торчащие вверх усы, потом сияющие оранжевым цветом глаза, и наконец этот поганец взял и выскочил наружу.

Да как еще выскочил-то!

Выгнул спину, потянулся от души, показывая клыки и розовый длинный язык. Поскреб острыми как лезвия когтями пыльный пол, проделав нехилые такие царапины.

А потом вдруг зашипел:

– Ты чьих будешь, маль-ши-ик?

Лаврик так и бухнулся на пятую точку, не сводя глаз с моего единственного родного существа.

А я только стояла и, разинув рот, как рыба, вытащенная из воды, переводила глаза с парнишки на своего фамильяра.

Глава 7

– С-сумрачная ры-ы-сь... – только и прошептал парнишка и позорно упал прямо на грязный пол.

Ну что ты будешь делать-то! И не девица ведь и близко, а туда же, падает.

Конечно, Рыська может поразить воображение, не спорю. Но это ж адепт Боевой Академии... Походу, у них тут в адепты берут всех без разбору. И не проверяют состояние нервной системы. Странно, вообще-то.

Я с расстройства бухнулась рядом. Грязный пол, ну и ладно.

У меня, может, тоже нервы не железные. И так денек выдался вон какой.

А тут еще и Лаврик этот. Такой весь из себя тощенький, боязливый. Но вот подишь ты, сумел разглядеть моего Рыську!

Это вообще как? Откуда бы ему знать этих магических и очень даже редких существ...

Я вздохнула и грозно посмотрела на своего фамильяра:
– Ну и как это понимать, а? Почто показался чужому?

Рыська моргнул и будто стал меньше ростом. Усы тотчас приняли горизонтальное положение. Но вовсе не поникли. Значит, фамильяр не считает себя виноватым. Что тоже очень странно. Или правда, день такой вот?

– Ты, это... Ведянка... Ведь он меня увидел! – глаза Рыськи расширились от удивления.

Я скривилась. Тут Рыська прав. Каким-то непонятным мне образом парнишка его увидел. Смог. А если смог, то куда ж Рыське деваться, пришлось вылезать. Такая у них, сумрачных рысей, планида. Я-то и забыла, вот тоже дуреха.

Ну, и не мудрено. Сроду фамильяра моего никто чужой не видел, вот я и забыла, как оно на самом деле у них устроено.

– А чем это так вкусно пахнет? – Рыська одним прыжком оказался около стола и нагло снес лапкой все крышечки.

– Ур-р, – довольно заурчал мой фамильяр. – А ничего так у них кормят.

– Да ты иди, Ведянка, иди к столу. А то ведь, как говорится, в большой семье не щелкай клювом.

– Я тебе покажу, не щелкай, – проворчала я. Поскорее поднялась, и тотчас спохватилась.

– Так Лаврик-то в обмороке, что делать прикажешь? А тебе бы только лопать, – сердито сказала я и полезла в глубокий карман за нужным пузырьком с зельем.

Надо ли говорить, что с десятков пузыречков из зачарованного в огне саламандры стекла я всегда носила с собой.

Исключительно на всякий случай. Бабулина наука опять, ага.

Эх, бабуля. Как же мне тебя не хватает... Сижу вот на грязном полу совсем в другой Академии. Рядом валяется бездыханный парнишка. А фамильяр уже уплетает ужин за

обе щеки. Мясное рагу, судя по его вытаращенным глазам и быстрому, довольному чавканью.

– Ох-х, горе ты мое, – недовольно бурчал в перерывах между чавканьем Рыська.

– Иди ешь-шь, говорю. Ничего с ним не сделается. Молодой, здоровый. Да и я чар чуток прибавил, – сознался этот поганец.

Но, с другой стороны, и облегчение я испытала. Ну, раз такое дело, то и пусть полежит.

Вздохнула, встала, отряхнула юбки и пошла к столу. Как бы все и правда не слопал, аппетитом Светлая мать его не обидела.

И кто там у сумрачных рысей? Сложная у них какая-то система верований, закрытая, я вот не до конца еще разобралась.

Но тут резко подвело живот и я поморщилась. Придется выходить в коридор, что делать. Страшно? Страшно. Но организму не прикажешь. И так сколько терпел, бедный.

Я решительно повернула к двери.

– Э-эй! Ведянка, ты чего это? Куда собралась? – фамилльяр насторожился, запихивая за щеку очередной кусочек мяса.

– Куда-куда. На кудыкину гору, – огрызнулась я. – Надо мне. А тут нету никаких удобств, чтоб ты знал.

Чавканье тотчас прекратилось и Рыська мигом оказался у двери:

– Не пушу! Дуреха ты, Ведянка. Хочешь, чтобы тебя тут

тихо прикопали под кустиком или вот развеяли по ветру?

– Это же Боевая Академия! – усы у него от возмущения грозно встопорщились и поднялись вверх.

– А что же прикажешь делать, Рысенька, – печально сказала я, уже выглядывая в щелочку.

– Поселили вон где, и даже не подумал дядька Симеон про самые нужные удобства.

– Да стой ты, вот же на мою голову, – глаза Рыськи сверкнули.

– У тебя же я есть! А я кто? – грозно, но тихо прошептал он.

– Ох, отстань ты, Рыська. Не до тебя. Фамильяр ты, – ответствовала тем не менее я, уже высунув голову из дверей.

– Нет, нету у меня на тебя, Ведянка, никаких нервов, – и наглый Рыська схватил меня за юбки да и втащил назад.

Зашипел обиженно и насупился:

– Плохо, видать, учила тебя бабка-то.

– А вот бабулю мою трогать не надо! – я нахмурилась и уперла руки в бока.

Рыська малехо примолк, а потом и лапой махнул. Принюхался, прошел вдоль всех стен и неожиданно уперся острым когтем в одному ему видимую точку.

Вокруг когтя тотчас появилось едва заметное свечение, которое вскоре превратилось в мерцающий портал.

Я ахнула и головой замотала:

– Нет, нет и нет! Хватило мне одного перехода, тобою со-
оруженного.

Рыська обиженно насупился:

– Спасибо еще мне скажешь, Ведяночка. И не бойсь ты.
Это портал местный, недалече ведет.

Да подойди ты, вот на мою-то голову ведьмочка доста-
лась, – фамильяр даже лапой топнул, благодаря чему пол об-
завелся еще одной мощной бороздой.

Я вздохнула, но подошла. Так-то Рыська толковый фамил-
ьяр, опытный. Местами.

– Ну, загляни-ка. Что видишь-шь? – миролюбиво проши-
пел.

Я прищурилась.

И увидела! Вот то, что надо, сразу и увидела.

Ладно, была не была. Светлая мать не выдаст, лич горба-
тый не съест.

Я вздохнула, забросила косу за спину и шагнула в туннель.

Глава 8

И я оказалась в знакомом месте... Ну, почти знакомом. На меня смотрела покосившаяся на один бок приличного размера изба с разрисованными когда-то красными петухами.

Но это я заметила мельком. Ноги понесли сразу в заветное местечко. Тоже покосившийся и с висевшей на одной петле дверцей обычный деревенский домик, к которому уже давно стремилась моя душа.

А вот когда я наконец покинула гостеприимное заведение, то и поняла, что ошиблась. Вовсе это место не было мне знакомо. Вот нисколечко не было.

Да и чем?

Тем, что дом деревенский, явно давно заброшенный?

Я вздохнула. Как же хочется домой-то, Светлая мать...

Вот чтобы наш с бабулей домик, травы, зелья и никакой Боевой Академии и близко чтоб не было.

Но выбирать, похоже, не приходится. И я нехотя потащилась к все еще мерцающему portalу. Рыська у меня все-таки молодец. До сих пор его держит. А ведь то мало кто может.

Тут я сразу вспомнила об ожидающем меня на столе ужине.

Если он еще остался, конечно.

Вот тогда понеслась к portalу вприпрыжку. И только я в него вскочила, как услышала чье-то удивленное аханье.

– Вилка, ты смотри-ка! Видела же? Вот, вот по той тропинке только что она пронеслась! Говорила я тебе, что никуда старая ведьма не делась, – звонкий девичий голос прорезал вечернюю тишину.

– Да брось ты, Тильдушка. Это просто до сих пор фантом держится, – ответил ей другой голос, тихий, но уверенный.

Как же жалко, что ничего дальше не удалось мне услышать. Портал выкинул меня в ту же комнату, где уже вовсе не лежал, а сидел, глуповато улыбаясь и не сводя глаз с моего Рыськи, пришедший таки в себя Лавр.

Я нахмурилась и сердито посмотрела на своего фамильяра. Тот только тот одно ушко прижал к голове и, вот каков нахал, мгновенно растаял в воздухе. Сбежал в пространственный карман. Ну, конечно. Ужин-то съеден, можно теперь меня бросить одну разбираться с этим вот всем.

Я вздохнула:

– Так, Лаврик. Вижу, ты в себя пришел. Поднимайся и давай к столу. А то ты хилый какой-то.

– Ведь не ужинал еще?

Парнишка потряс головой, удивленно захлопал глазами и неловко поднялся с пола.

Форма его, вот красиво одевают в Боевой Академии адептов-то, помялась да покрылась серой пылью.

– А... а где она? – он повел глазами по сторонам и с огорчением прошептал:

– Или мне все это почудилось...

Вот хоть и не хотелось мне его обманывать, но и сказать, что парнишка и правда видел сумеречную рысь, очень не хотелось. Пусть думает, что почудилось. Ну, по крайней мере, пока. Мне еще самой нужно в себя прийти от всех этих новостей.

– Ты о чем, Лаврик? – я с удивлением посмотрела на первокурсника.

А тот только судорожно вздохнул и выпрямился.

– Так. Не обращай внимания, ведьма, – сказал он вдруг и неприязненно на меня посмотрел.

– Не ведьма, а Ведяна, – отчеканила я и посмотрела на него с возмущением. Да у меня даже пузырьки в кармане звякнули, такая вдруг поднялась волна негодования.

И вот с чего бы? Ведь я и правда ведьма. И слово это совсем даже не ругательное. И никогда таким не было. А вот подишь ты.

– Так ел ты или нет? – я ведь такая, всегда на своем стою. И пока не даст мне кто ответа, не отстану. Лаврик только посмотрел на меня да и сознался, махнув рукой:

– Не успел. Магистр сразу сказал тебе отнести, Ведяна.

Вот то-то же. Сразу запомнил, как меня зовут.

Главное – с самого начала себя поставить. Пусть уважает ведьмочку-то.

А на счет ужина я права тоже оказалась. То-то он на стол посмотрел и сглотнул.

– Ну, так пойдем, перекусим, наконец, – я схватила его за

руку и потащила к столу.

Что сказать.

Я, конечно, понимаю, что Рыське нужно много энергии, чтобы порталы-то открывать. Но вот всегда думала, что он ее черпает из своего подпространства.

И ведь так оно и есть, на самом-то деле. А то я не помню, бабуля вон много чего про сумрачных рысей говорила.

Но вот оставить мне только один горшочек из трех, это как-то совсем не по-фамильярски, вот что я вам скажу!

– Эмм, – начала я, заглядывая в горшочек, где в густой подливке плавали несколько кусочков мяса и нарезанный дольками картофель. Ну, ничего. На двоих вполне хватит. У нас с бабулей, бывало, особенно по зиме, и того не было. Редко, конечно, но бывало. Когда зимы стояли лютые да снежные, тогда мы и малым обходились. А тут целый почти горшочек с гуляшом.

Неожиданно Лаврик вздрогнул и повернулся к двери.

– Ты куда? – удивленно крикнула я.

Парнишка только рукой махнул. И на руке его я увидела вдруг браслет с изображением пятиконечной звезды, в центре которой сиял и переливался самый настоящий огонь.

Я ахнула.

Да что же это? Ведь сторит, сторит паренек ни за грош. И было кинулась за ним, но вовремя остановилась.

Ведь Лаврик будто совсем не чувствовал того огня. Выходит, огонь-то не был настоящим. Да и горелым не пахло, и

Лавр даже вот не дернулся.

Так это, наверное, магия? Точно. Это магия... Я ж в Боевой Академии-то. Магию в действии я практически и не видела. Жили мы с бабулей уединенно, магов у себя не принимали. Да и маги от нас как-то вот подальше держались.

– А это что у тебя на руке-то, горит? – крикнула я ему вдогонку, не сдержалась. Парнишка остановился на секунду, повернул голову, сверкнул глазами и выпалил:

– Допуск это. Когда вот так горит, значит Сандр Огненный в Академии.

– Ладно, некогда мне тут с тобой, – он махнул рукой и вприпрыжку понесся по коридору, только подошвы засверкали.

Глава 9

Я оторопело глядела ему вслед. Сандр Огненный! Ой-й... Маг такой силы и мощи, ректор Боевой Академии, вернулся.

Мне почему-то стало не по себе. Кожа покрылась мурашками и желудок заныл. Еще бы ему не зануть. До сих пор я без ужина-то.

А мурашки... Ну, бывает. И причем тут ректор Академии?

Я ведь его еще и видеть не видела.

Захлопнула дверь, которая теперь слушалась меня как своего создателя, и магический замок защелкнулся будто так и надо.

Я только головой покачала. Вот вам и зачарованные замки. И это в Академии, цитадели боевых магов-то.

Желудок издал мученическую трель, и я кинулась наконец к столу. Опустошила горшочек в одно мгновение и скорее налила себе травяного чая.

А хорошо готовят в Академии-то. Да просто отлично! Мясо мягкое, сочное. Соус тоже не подкачал. А картошечка ну прямо как у нас с бабулей была. Рассыпчатая, чуть сладковатая. Да такую картошечку и без мяса умять можно за милую душу.

Я сделала глоточек чая и чуть не поперхнулась. Горячо-то как.

Скорее поставила назад и потянулась к чайничку, чтобы

получше его рассмотреть.

Да, чудеса у них тут, в Академии-то. Чайник на ощупь был холодным и сделан точно не из глины. Поверхность блестящая да ровная. Хоть как в зеркало в нее смотришь. Я и посмотрела. Ужас! Растрепанная, глаза на пол лица, бледная как смерть.

А чайничек точно зачарованный. Правда, никаких чар я не почувствовала. Значит, не ведьминские. Это что же, у них вот таких чайничков полно? А может быть, это тоже артефакт, как дядька Симеон ту кладовочку называл, что сюда нас подняла...

Я потянулась к чуть остывшему напитку и пригубила. Пить можно. Горячий, но все ж не кипятком крутой. А на вкус... Вполне себе. Вот очень даже неплохо. Конечно, до домашнего настоя этому чаю далековато, не говоря уж о том душистом напитке, что получался у бабули. Но вот мне прямо захотелось поближе познакомиться со здешней кухаркой.

Я одобрительно кивнула и допила приятный, чуть терпкий чаек.

Хорошо-то как...

И вдруг почувствовала, как меня стало клонить в сон.

Откинулась на спинку ветхого стула и закрыла глаза.

Вот что за невезение, а!

Конечно, она не выдержала даже моего куриного веса и с тихим извиняющимся треском раскололась на несколько частей.

Понятное дело, я свалилась на грязный пол. Зато сонливость почти прошла. Почти, да не совсем. Я потерла пострадавшую пятую точку и, зевая во весь рот, поднялась. Да посмотрела на кровать, в которой придется мне провести сегодняшнюю ночь.

Сразу захотелось помянуть недобрым словом дядьку Сименона.

Вот как можно поселить адептку-первокурсницу, пусть даже и не в ту академию попавшую, в такую вот комнату, с позволения сказать?

Мало того, что грязища, так еще и белья-то нет постельного. Но недобрые слова застряли где-то на полпути и я даже не поняла как оказалась рядом с постелью.

С полузакрытыми глазами раскатала матрац да и как была, в юбках, которыми уже не раз подмела здешний пол и даже успела на нем поваляться, легла и сразу провалилась в сон.

Жалко, что ненадолго. Вот что тут за место такое, а? Уж с чем-с чем, а со сном у меня никогда не было никаких проблем.

А тут на тебе.

Только уснула, а перед глазами откуда не возьмись нарисовалась мужское лицо. Да такое суровое! Вот смотрит он на меня, глаза-то зеленые как трава первая, волосы вьются, до плеч спускаются. Хмурится мужчина-то, и в глазах-то, зеленых его глазах, вдруг загораются яркие алые искры.

“Так вот ты какой, Сандр Огненный”, – вдруг пришло мне в гудящую от усталости и недосыпа голову.

Сандр Огненный?

Вот с какого перепугу он мне привиделся? Наверное, потому, что вспомнила вдруг рассказы бабули. Ведь она, рассказывая о магах и об огненных магах в особенности, чуть не с придыханием произносила его имя.

Это моя бабуля-то!

Она ж никого ни в грош не ставила, из магов-то. Мол, может ли какой маг сравниться с природной силой ведьмочек?

Да ни один. Ведь у нас источник магии – весь мир вокруг. А у магов источник-то внутри. И не могут они пользоваться мировой-то энергией. Никак не могут.

Потому и перегорают часто. И еще что-то там такое говорила, уже сейчас и не вспомню.

И одна мысль пришла мне в голову. Да такая, что я открыла глаза и даже подскочила на постели. Вот это зря. Пылища поднялась столбом и я аж закашлялась. Нет, ну что у них тут с домовыми-то? Нет никакого пригляду за Академией!

Но даже этот столб пыли не смог выбить неожиданно пришедшую мысль из моей головы. Неужели моя строгая и неприступная бабуля все таки... Ну, все таки не была на самом деле такой вот неприступной?

А что, если у нее была тайная страсть вот к этому Сандру? Думаете, не могло такое быть? Ну-у... Конечно, между ведьмочками и магами такая пропасть, что и не перепрыг-

нуть ее.

Но что, если сердцу не прикажешь, а?

Ой, Ведянка. Что-то не туда тебя повело, подружка. А вот если это и правда, то сколько тогда им было лет?

Я вернулась в постель и постаралась выбросить эти совершенно вот ненужные и даже опасные мысли из головы.

Да какое мне дело, сколько им было лет-то? Откуда вообще у меня взялись эти фантазии?

Я нахмурилась и перевернулась на другой бок.

Дурацкое состояние.

Сон не шел.

А шли непонятно откуда взявшиеся образы молодого, полного сил и отваги мужчины. Широкий разворот плеч, камзол в талию. Упрямый подбородок с ямочкой и манящие зеленые глаза.

Ужас какой-то.

Я, конечно, ведьмочка молодая и не инициированная, но это все-таки перебор. И, главное, ладно бы то был образ мужчины, которого я хоть раз видела.

Так нет.

В селе, рядом с которым мы жили, мужчины водились. Были мужчины, что и говорить.

Но никого похожего на вот этого я не видела никогда.

Или... Светлая мать...

Видела я его, видела. Только не в той книжке, которую бабуля заставляла меня читать да запоминать.

Нет, в другой. В той самой, с тяжелыми страницами, в толстом кожаном футляре, которую она как-то раз забыла спрятать.

Как та книжка называлась, я уж и забыла.

А вот мужчину этого, выходит, нет. Его зеленые малахитовые глаза со сверкающими в них огненными искрами опять так и встали передо мной.

Глава 10

Проснулась я от барабанного стука в дверь. Да что ж такое-то... Это не заброшенный чердак, в который меня засунули явно по недоразумению, а проходной двор какое-то!

Такой сон перебили-и... Я широко зевнула, с трудом открыла глаза и повернулась на другой бок. Стук повторился с новой силой, и тут до меня дошло, что надо как-то отреагировать.

Светлая мать... Я подскочила на кровати и весь сон как ветром сдуло.

Ведь я в Боевой Академии!

Соскочила да и бегом к дверям.

– Кто там? – пискнула, услышав чье-то тяжелое дыхание за дверью.

– Свои, – прогудел знакомым голосом дядька Симеон.

– Открывай, Ведяна. К ректору пойдем, – гулко прозвучал в пустом коридоре его голос.

А я бы и рада открыть, да дверь стояла как вкопанная.

Вот как захлопнула ее вчера, так и все.

Неужели я сломала магический замок? С моим-то везением. Могла, могла и сломать. Как? А вот кто его знает. Как говорится, ломать – не строить.

Я пугливо дернула за ручку, очень надеясь что дверь очнется от беспредела и отреагирует. Бездушная деревяшка да-

же не подумала.

– Хм, – я откашлялась, глотая вязкую слюну. Сразу во рту пересохло, водички бы сейчас колодезной, сладкой.

– Так не могу я, дядька Симеон. Не открывается, – грустно прошептала и на всякий случай еще раз покрутила ручку в разные стороны.

Бессменный комендант общежития для боевых магов недовольно загудел:

– Не может она. А вчера как смогла?

Порушила чужие чары. Деньги, между прочим, плачены были магу-артефактору немалые.

А мне даже и не стыдно было. Вот нисколечко!

– А что ж вы, дядька Симеон, меня тут заперли-то? Между прочим, без всяких удобств!

За дверью только хмыкнули. Мужчина и сам понял, судя по всему, что совершенно об этом не подумал.

“Это промах. Да еще какой. Для коменданта почти непростительный. Но как же эта ведьмочка смогла открыть замок?”

– Ты, это... Извиняюсь я, в общем, Ведяна. Моя вина, – со вздохом сказал вконец смущенный дядька Симеон.

– Но как же ты дверь-то открыла все таки?

Я вот тоже вздохнула. Потому что представления не имела, как.

Да так и сказала:

– Вот не знаю, дядька Симеон. Оно как то само вышло.

Просто... ну очень мне нужно было, понимаете?

Симеон понимал. Да, вот дар у ведьм. Сильно захотела – и вот тебе. Способна и чужие чары порушить.

Мужчина задумчиво посмотрел на дверь и даже ощупал ее.

“Ломать придется”, – с тоской подумал, да и приналег на казавшуюся неприступной старую дверь всем своим телом.

А тело у дальнего потомка орка было как камень. Вполне сгодились и как таран.

Раздался треск, поднялся недовольный звон магического замка, переходящий в диапазон ультразвука, и несчастная дверь рухнула, а дядька Симеон тяжелым снарядом приземлился прямо под маленьким грязным окном.

Меня сразу звуковая волна отмела в сторону. Вот только этим и спаслась. А то бы ссадин да синяков не избежать. И мои драгоценные пузырьчики могли пострадать. Стекло, конечно, закаленное, но мало ли.

Вот как раз сейчас, чувствую, дядьке Симеону ой как они понадобятся.

– Да чтоб тебя, – пробурчал мужчина, сметая в сторону здоровенный обломок доски, и сжал зубы, чуть не охнув от боли.

Занозил руку, не иначе.

Я тотчас к нему, на бегу вынимая свой запас. Сразу ведь нужный нашла. Вот опыт-то что делает.

– Давайте скорее руку-то, дядька Симеон, – и буквально

вытащила его руку из-под мышки, куда тот ее засунул.

– Сейчас, потерпите-ка, – я быстро отвинтила крышечку и капнула на уже начинающую опухать ладонь вытяжку из корня лукалы многолистной. Самое то сейчас. И ткани вокруг очистит, не даст загноиться, и опухоль уберет.

Да и мне вот что-то цвет ее не понравился. Ладно, опухоль. Но как-то уж слишком быстро. И темнеть начала.

– Из чего дверь-то эта, какое дерево брали? – спросила я, внимательно оглядывая и сам обломок, и пострадавшую ладонь.

– Да кто ж его знает, Ведяна, – дядька Симеон попытался отнять у меня свою руку. Но куда там. Мы, ведьмочки, если уж начнем кого лечить, то сами решаем, когда лечение-то закончить.

– Посидите-ка спокойно, дядька Симеон, – скомандовала я.

– Когда вот опухоль спадет, тогда и пойдем. К ректору ж? – вспомнила я и посмотрела на него округлившимися от непонятого волнения глазами.

Образ Сандра Огненного из той, бабулиной книги, опять нарисовался перед глазами.

Конечно, я тотчас отогнала его. А вот нечего тут мне мешаться. Лечу я.

Слава Светлой матери, опухоль стала уменьшаться. Значит, обычное дерево-то. Не зачарованное. И то, ведь тогда он не смог бы дверь вышибить. Зачарованное дерево это вам

не обычное, пусть даже и дуб столетний.

– К нему, – чуть нахмурился дядька Симеон и потянул ладонь еще раз. А я и отпустила. Пускай себе. Теперь все заживет и без моего присутствия. А вы думали, что это так корень лукалы подействовал, быстро-то?

Вытяжка хорошая, слов нет. Но без моей-то силы, ведьминской, дело шло бы куда как дольше.

– Так что давай, Ведяна. Собирайся, – начал было дядька Симеон и поднялся, держась за поясницу.

А что мне собирать-то? Ничего у меня нету с собой, кроме котелка родимого.

В котором где-то там, далеко ли близко ли, затихарился Рыська.

Я прислушалась. Тихо, вот как-то подозрительно тихо.

Глава 11

Я схватила в охапку котелок и шагнула было за дядькой Симеоном в темный коридор. Да остановилась. Боязно вдруг стало. Встал и он, да как хлопнет себя по лбу. Звук пошел... Прямо вот как по пустому ведру, по дну-то. Я даже испугалась, с такой-то силой и лоб расшибить можно. Но дядька Симеон оказался крепким человеком. Или нет, не человеком, а... Я пригляделась повнимательнее, но так и не смогла толком понять, кто он на самом деле. Что орки в роду были, это точно. А вот кто еще? Ничего ему не сделалось, а только повернулся, чуть не сбив меня с ног.

– Стоишь? Молодец, Ведяна, – одобрительно сказал дядька Симеон и залез в карман форменного камзола.

Вытащил невзрачный медный браслет и торжественно мне вручил.

– Держи. Вот твой допуск. Теперь-то можешь за мной след в след не ходить.

– Да надевай, надевай. Что, не хорош? Не бойсь, это гостевой, временный. А там и постоянный получишь. Видела небось такой вот, у Лавра? – хмыкнул отдаленный потомок

орка и... вот пока еще не поняла, кого. Но разберусь обязательно.

А у меня и сердце в пятки сразу ушло. Это что он сказал-то?

Я и взвилась:

– В смысле, постоянный?! Вы это про что, дядька Симеон? Как постоянный-то! Мне ж в Чародейскую надо!

Чувствую, покраснелась вся и даже слезы на глазах появились.

Дядька-то Симеон тяжело вздохнул и только рукой махнул:

– Пошли к ректору, Ведяна. Вот пусть он сам с тобой разбирается.

Я вырвала браслет из его рук и, сопя, натянула на запястье.

Вот пойду сейчас к ректору, да! Разберусь.

Что это они тут удумали, ведьмочку у себя оставить? Нет, надо во всем разобраться!

Я вытерла злые слезы и припустила впереди дядьки Си-

меона.

Один плюс, он прав, появился. След в след ходить не придется. И запирать меня не надо. И удобства вон, в конце коридора, видны.

Я затормозила у дверцы характерного вида:

– Сейчас я, дядька Симеон, – буркнула и пошла приводить себя в порядок. Как бы то ни было, а заплаканной и растрепанной ни за что не появлюсь перед этим ректором. Ведьмочка я или нет?

Умылась холодной водицей, рот прополоскала и косу переплела.

Эх, жалко, нет моей любимой щетки для волос. Все, все ведь, что нужно ведьмочке давно лежало в сундуке заветном там, в Чародейской-то академии. И несколько смен платьев, и юбки, и кофточки. Не говоря уж о шубке да нарядах по сезону.

Ведь задолго бабуля все собрала. Покупала потихоньку да заказывала, и прямо портальчиком в сундук все шло. В специальной комнатке там он, в Академии-то моей, для будущих адептов стоял. Не только мой, конечно. Все так своих ведьмочек собирали. Кто потихоньку, мало кто за один раз мог закупить всего.

Я вздохнула и посмотрела в покрытое разводами да трещинами старинное зеркало.

Нос успел покраснеть. Хорошо хоть не опух. Вот нежная у меня кожа-то.

Ладно, разберемся. В конце концов, посмотрю хоть на легендарного мага, о котором столько бабуля говорила.

Я подмигнула своему отражению и улыбнулась, подняв большой палец вверх.

Вот так-то лучше, Ведяна.

Это они еще не знают, что ведьмочки не сдаются!

Вышла я из умывальной в боевом настрое. Вот еще! Прижала казавшийся сейчас почему-то совершенно невесомым котелок к груди.

Дядька Симеон только поднял бровь и двинулся вперед.

Я за ним.

Ну и что, что у меня теперь допуск? Все равно не знаю, куда идти.

Браслет приятно грел запястье. Надо же, такой неказистенький с виду, а к телу приятный.

Подошли мы к той самой движущейся комнатке, в которой вчера поднимались, и опять туда. Сердце снова ухнуло в пятки. Непривычно как тут все.

Прошли по длинному и тоже вот довольно грязному коридору. Через высокую арочную дверь вышли на улицу.

А на улице была красота!

Оказывается, солнце уже взошло и всюду отражалось в сверкающих капельках росы. Яркие одуванчики тянули к нему свои головки.

Воздух был свежим. Я вздохнула полной грудью.

Красота!

После пыльного чердака просто невероятная красота.

Под ногами пружинила молодая зеленая травка. Вот так бы шла и шла, вдыхала свежий утренний воздух. Но вскоре показался двухэтажный дом красного камня. У двери, украшенной одним – единственным символом, огнем, пылающим в сердце пятиконечной звезды, мы остановились.

Светлая мать... У меня почему-то даже ноги подкосились. Это что, мы уже пришли?

Неожиданно я услышала звонкие девичьи голоса:

– Это она! Точно тебе говорю, Вилка. Ее я видела вчера у домика старой ведьмы.

А ты мне – фантом, фантом.

Я тотчас обернулась и увидела двух девушек в форменной одежде Боевой Академии. Строгие синие пиджаки в талию и юбки того же цвета длиной до голени, в складочку.

Одна из них, высокая, фигуристая блондинка с копной густых вьющихся волос до плеч и любопытными светло-серыми глазами тотчас замолчала, а потом зашептала что-то на ухо подружке. Подружка ее была совсем небольшого роста, худенькая, с убранными в высокий хвост каштановыми волосами и темными, как гречишный мед, глазами.

Обернулся и дядька Симеон.

– Вы почему не в столовой, adeptки? – строго сказал он и нахмурился.

– Уже идем, магистр, – одновременно ответили девушки и, постоянно оглядываясь и перешептываясь, завернули за угол.

Так вот кого я вчера слышала, вот чьи это были голоса! Они еще называли друг друга такими странными именами. Вилка и Тильдушка. Интересно, откуда они родом? У нас таких имен-то и близко не встретишь. А может, прозвища

такие?

Я вздохнула и посмотрела на дядьку Симеона.

И они его, как и Лаврик, тоже магистром называют. Интересно, что за курс он ведет...

Нет, мне это совершенно не интересно! Не собираюсь я у них оставаться, так какая мне разница?

Дядька Симеон одернул рукава своего камзола и я увидела, как он удивленно посмотрел на свою ладонь. Она была как новенькая. Еще бы. Ведь его ведьмочка лечила, не абы кто.

Вот даже на душе полегчало. Люблю, когда удастся помочь сразу. Пусть даже в таком пустяковом случае.

Прищурился дядька, на меня посмотрел и сказал так подоброму:

– Спасибо тебе, Ведяна. Прямо на глазах рука зажила.

И улыбнулся так светло, что и я не смогла ему не ответить такой же улыбкой.

Как же хорошо, что я ведьмочка!

Дядька Симеон вдруг мне подмигнул и открыл дверь:

– Заходи, Ведяна. Да не бойся, не съест он тебя, – понизил голос и затопал впереди по лестнице на второй этаж.

Я только кивнула и потащилась следом. Понятное дело, что не съест. Но почему-то вот очень страшно. И еще совершенно непонятно, где Рыська. Не помню ни одного утра, чтобы он меня не будил осторожным обнюхиванием и ворчанием о том, что он бедный-несчастный фамильяр. Одино-

кий, никому не нужный и совсем-совсем голодный.

И что ведьма ему досталась безалаберная, ей только бы спать да бока себе належивать. И мечтать о принцах заграничных.

Смешной Рыська. Чего-чего, а боков у меня сроду не было. Не дала Светлая мать мне этакой девичьей красоты.

Бабуля вот моя – другое дело. И с боками у нее было все в порядке.

А что до принцев... Да какая же девушка о них не мечтает-то? Мы, ведьмочки, тоже иной раз помечтать не прочь. Правда, у меня мечты до принцев как-то не доходили. Приземленная я, видно. Никакой нет во мне романтики.

Я больше о магах мечтала-то. Но только никому об этом не говорила. Знала, что бабуле не понравится.

Вот сейчас тащусь вслед за дядькой Симеоном как раз к магу.

Сбылась моя мечта, Светлая мать...

Глава 12

На площадке перед тяжелой дубовой, явно зачарованной, дверью с потертой бронзовой ручкой дядька Симеон обернулся и еще раз подбадривающе мне подмигнул.

Я высоко подняла голову и перекинула косу, которая вот кто скажет, почему, а? – уже успела порядком подрастрепаться.

Или это магия так действует?

Ведь я ее сразу почувствовала, магию-то эту. Звенящая, сильная, она горячей волной ударила мне в грудь.

Я даже чуть было не покачнулась. А дядька Симеон удивленно поднял бровь и что-то пробурчал себе под нос. Я же только сильнее прижала котелок, который ощутимо вдруг потяжелел.

Вздыхнула полной грудью и подошла к мужчине, который уже постучал в дверь.

– Заходите, – раздался сильный, уверенный голос с едва заметной хрипотцой.

Ой-й...

Ну, Светлая мать не выдаст, лич горбатый не съест.

Я подняла голову еще выше и вошла вслед за дядькой Симеоном.

За большим столом, сплошь заваленным древними манускриптами и более современными книгами, сидел сам рек-

тор.

Он поднял голову.

Я чуть не задохнулась и встала как вкопанная.

Светлая мать...

Ну до чего же он был похож на того, из бабулиной книжки!

Темные, чуть выющиеся волосы собраны в высокий хвост.

Яркие зеленые глаза с едва заметной алой искоркой. И длинные, пушистые ресницы. Ну вот зачем мужчине такие ресницы-то?

Волевой подбородок с ямочкой посередине. У меня прям вот под ложечкой засосало.

Еще бы.

Маковой росинки во рту со вчерашнего дня не было-то.

Причем тут его ресницы и этот подбородок?

А какие у него широкие плечи, обтянутые вот прямо тем же самым камзолом, что на рисунке-то был.

И руки такие сильные, что сразу чувствуется, что мускулы там ого-го!

Интересно, чем же занимался маг Огня, чтобы такие мускулы заиметь? Да у кузнеца нашего, Огашки, не меньше были.

Сандр Огненный окинул меня внимательным взглядом и чуть прищурился:

– Ведяна Маленская, значит?

Я закрыла рот, который, оказывается успела открыть чуть не до половины, и только головой кивнула.

Мол, я это.

Дар речи пропал.

От страху, точно вам говорю. Целый, настоящий огненный маг, да не просто маг, а архимаг Сандр Огненный, мужчина лет около трехсот, не меньше, поднялся из-за стола и разглядывал меня с нескрываемым интересом.

Ну, и я не осталась в долгу. Пусть дар речи ко мне еще не вернулся, что только к лучшему, но посмотреть-то и я могу. Это у меня запросто.

Да не может быть, чтобы ему триста лет было-то. Знаю, что маги стареют намного медленнее, чем обычные люди.

Но чтобы ни одной морщинки и глаза такие ясные, зелено сверкающие?

И волосы, в которых нет и намека на седину.

Да-а... Хорошо, конечно, быть ведьмочкой. Но мы до трехсот лет редко доживаем. И не можем в последние дни похвастаться вот такой вот сияющей кожей и отличной фигурой, вот как у ректора.

У меня даже появилось, на одну только минуточку, желание быть магом.

Конечно, совершенно дурацкое желание. Ведь ведьмочки и магическая сила не совместимы, всем давно известно.

Я нахмурилась и ко мне вдруг неожиданно вернулся дар речи:

– Ведяна я, ага. А что, вам и правда триста лет?

Охнула, закрыла ладонью рот и испуганно уставилась на

ректора.

Ну все. Опять я села в калошу. Вот что за напасть-то... Как сильно понервничаю, так лучше б язык у меня отсох. Всегда вот вылетит такое, что потом стыда не оберешься.

Ой, что сейчас будет...

Щеки мои налились жаром, а глаза – слезами. Но я только резко зажмурилась на секундочку. Не буду я тут реветь. Еще чего. Ну, вылетело слово. В конце концов, я ведьмочка. Не инициированная, а, стало быть, подвержена этим самым, как их, эмоциональным всплескам. Да, именно так бабуля говорила.

А вот и хорошо. Вот сейчас он возьмет и сразу же меня в Чародейскую академию отправит. И правильно, ведь мне только того и надо. Но глаза я все равно зажмурила.

Но тут кхекнул дядька Симеон, а вслед за ним рассмеялся, ну вот прямо во весь голос, и так весело-то, и сам ректор.

Я приоткрыла один глаз и неверяще посмотрела на мужчину, который смеялся до слез. Да у него и правда слезы выступили на глазах. Это что же такое, а?

Тут ведьмочка молоденькая страдает, можно сказать, а эти вот... даже слова не подобрать, эти вот веселятся.

Светлая мать... И это ректор, которому триста лет? В голове моей не укладывалось такое-то.

Я шмыгнула носом и нахмурилась:

– Прошу прощения, конечно. С языка сорвалось. Но что такого веселого я сказала?

Я же... вот с детства терпеть не могу, когда надо мной смеются.

Ректор только головой покачал, но смеяться перестал. Правда, последние, самые упорные смешинки еще оставались в его зеленых, таких манящих, глазах.

Да что со мной такое-то?! Куда это манящих?

Сандр Огненный ладонью смахнул слезы. Вот насмешила его эта ведьмочка так насмешила. Давно он так не смеялся. До чего же живы эти замшелые представления о магах. Просто удивительно. А девочка такая непосредственная и так похожа на свою мать. На щеках мага вдруг заиграли желваки. А вот на бабуку не похожа совсем. Эржбета Маленская, ведьма экстра класса так и встала у него перед глазами. Точно такая же, как на том изображении, оставшемся от отца.

Яркие темные глаза сверкают из-под соболиных бровей. Пышные русые волосы заплетены в косу и уложены вокруг головы. Она оценивающе смотрит на молодого тогда отца и едва заметно одобрительно улыбается.

Пожалуй, Эржбета Маленская была единственной ведьмой, перед которой отец был готов снять шляпу.

Глава 13

Смеяться-то ректор перестал, но что-то посуровел вдруг весь. Вот прямо как в моем сне. Я даже отступила на полшага. Да, язык меня точно до добра не доведет. Уж сколько раз мне бабуля говорила, сколько, бывало, хворостиной я получала.

Даже сейчас рука чуть было не потянулась потерять то самое место, которому ой как доставалось.

Я вздохнула и потупилась. Сама понимаю, что не права.

– Значит, вы меня сейчас прям назад отправите? – с надеждой на скорое избавление от этой Академии и странноватого ректора, сказала я.

Сандр Огненный поднял бровь:

– С чего же вы сделали такой вывод, адептка Маленская?

Я струхнула не по детски. Адепткой назвал! Светлая мать... Да как это все понимать-то?

– Ну да как же, – я беспомощно развела руками. – Ведь я к вам сюда по ошибке попала. Да и вообще... Веду себя, в общем... Ну...

Мужчина весело усмехнулся:

– Удовлетворю ваше любопытство, юная дама. Лет мне не триста, а тридцать восемь, к вашему сведению.

У меня глаза на лоб полезли, вот честное слово! Как не триста-то? Ведь бабуля его вспоминала да и книга та, потаен-

ная. И не гримуар то был вовсе. Гримуар-то всегда со мной. Ну, в кармане пространственном, у Рыськи там, лежит себе, хранится до поры до времени. Потому как я ведьмочка еще не инициированная, на что он мне? Заклинаниями толком не владею. Учиться мне и учиться.

Ничего я не понимаю. Я захлопала глазами и недоверчиво посмотрела на явно веселящегося архимага.

– Не поделитесь, Ведяна, с чего вы вообще взяли, что мне триста лет? – с легкой усмешкой спросил этот... этот ректор.

А я что? Признаваться, что видела его портрет в книге, которую не зря, видно, бабуля от меня прятала?

Вот не знаю, что и сказать ему. Что ответить. Пожала плечами да и котелок прижала поближе. Спокойнее с ним как-то.

– Ну хорошо, можете не отвечать. Давайте теперь поговорим о вас.

Он посерьезнел:

– Кто занимался отправлением вас в Академию, Ведяна?

– Как кто, – пробормотала я. – Так кому положено, тот и занимался. Фамильяр мой, – я покаянно повесила голову.

– Значит, – чуть помолчал ректор и нахмурился, – Эржбета Маленская покинула этот мир. Морщинка перерезала его лоб и мужчина явно глубоко задумался.

Я только кивнула, не поднимая головы. Может, об этом и не все знают, но архимаги-то точно. Знают они о нас и наших обычаях многое.

– Тут такое дело, Ведяна, – ректор говорил медленно и я чувствовала, что слова даются ему с трудом.

– Я только что говорил с госпожой Лионой Кряжских. Вы ведь в курсе, что она ректор вашей Академии? Она меня уверила, что вас ждали только в следующем году.

Вот тут я отмерла и вперилась в него во все глаза.

– Как так-то! – я ахнула. – Почему в следующем?

– Потому что, к сожалению, ваша бабушка ушла именно сейчас. А сейчас самый конец учебного года, – терпеливо разъяснил он.

– Уже апреля. С июня же начинается у адептов практика до августа, а потом – каникулы.

А до меня все никак не доходило. Я-то была уверена, что после бабулиного присмотра – сразу туда, под теплое крыльшко госпожи Лионы.

Ведь бабуля ж ушла к Светлой матери... Почему так вышло-то? Не вовремя...

– Н-но... – начала я и почувствовала, как глаза наливаются слезами.

– Ведь мы же оплатили заранее. И ... и бабуля ушла. Все ведь по правилам... Да у меня и сундук там со всеми вещами, – слезы уже текли из глаз и я всхлипнула, шмыгнув носом.

– Все верно, вот с сентября месяца вы и сможете занять свое место в Академии, – разъяснил Сандр Огненный, поглядывая на меня с заметным сочувствием.

Сзади вздохнул дядька Симеон.

– Так что же мне делать-то? – растерянно сказала я. И поняла наконец, что вовсе не Рыська виноват, что попала я сюда. Просто... просто порталы дело такое. Они ж не всегда открываются туда, куда ты хочешь. Нужно, чтобы на том конце тебя ждали и были готовы открыть вход.

Ну да...

Выходит, для меня родная моя Академия Ведьмовства закрыта до сентября месяца.

Ну почему же мне так не везет-то? Я вытащила из кармана цветастый носовой платок, который мне дал вчера дядька Симеон, и вытерла заплаканные глаза и потекший нос.

И здесь до меня вдруг дошло и глаза чуть на лоб не полезли:

– Выходит, тут меня ждали, в Боевой-то Академии? Раз портал сюда привел, – сердце у меня замерло на мгновение и забилось с удвоенной силой.

Да меня даже в жар бросило.

А по всему выходит, что так. Иначе портал бы ни за что сюда не открылся. Рыська его открывай или кто другой. Защита-то тут будь здоров, сама видела, своими вот глазами. Не зря за дядькой Симеоном хвостом ходила, боясь шажок в сторону сделать.

Ректор только руками развел:

– Понимаете, Ведяна. Тут такое дело, – он искоса взглянул на дядьку Симеона, который успел уже усесться прямо

вот по-свойски, в кресло для посетителей. Кресло явно крепилось под его весом, но пока держалось. Похоже, привычное к таким вот габаритам.

– Магистр Сатвал, может быть, вы расскажете? – вдруг сказал Сандр Огненный. И прозвучало это вовсе не как просьба. Как приказ прозвучало.

– А вы, Ведяна, садитесь. Да вот хоть в это кресло – и он махнул рукой в сторону креслица, стоящего рядом с креслом дядьки Симеона.

– И поставьте вы наконец ваш котелок на пол. У нас тут совершенно безопасно, уверяю вас, – хмыкнул этот мужчина и я почувствовала, как жаркая краска кинулась мне в лицо.

Вот еще! И не подумаю никуда его ставить. В конце концов, это мое и правда единственное на сегодня имущество.

Будут мне еще тут указывать маги всякие. Иль он, хоть и архимаг, не знает, что для ведьмочки котелок – самое что ни на есть главное?

Я возмущенно фыркнула, прижала котелок еще сильнее, но в кресло села.

А куда мне деваться-то? И стыдно вдруг так стало перед Рысечкой моим, ой как стыдно-то. Обругала ни за что, ни про что, фамильяра своего.

Единственную родную душу, можно сказать.

А потом во все глаза уставилась на дядьку Симеона. Вот чувствую, то, что он скажет, мне совсем не понравится.

Глава 14

Но я все равно села прямо как самая прилежная адептка. Котелок поставила на колени и тут почувствовала знакомое такое, уютное тепло. Почти неосозаемое. Другой бы кто и не почувствовал. Ну, я-то не другой. Я сразу поняла, что вернулся мой Рысечка. Уж где он был, об этом я, конечно, спросу с него по всей строгости. Потом.

Где это видано, с раннего утра пропадать-то и на глаза своей ведьмочке, единственной, не являться?

Аж от сердца отлегло. Ведь все это время я за него боялась.

Дядька Симеон откашлялся и пригладил свою ставшую прямо роскошной черную бороду. Шелковистая она у него, у других девушек кос таких поди поищи.

“Но кто же все-таки отметился у него в роду, кроме орков-то?” – опять подумалось мне.

И тут я поняла, что теперь боюсь и за себя. Боюсь услышать то, что он мне скажет. Вот и лезут в голову мысли всякие. Ну какое мне дело до тех, кто был в его роду-то?

Неожиданно во рту пересохло и я выпрямилась еще сильнее.

– В общем, так, Ведяна, – сказал наконец дядька Симеон. Я человек, – тут он немного запнулся и взглянул на меня, – я человек прямой и не привык ходить вокруг да около.

– Не сразу я понял, в чем дело с твоим порталом. Давненько, вот ректор не даст соврать, лет сто такого не было.

Да и другие обстоятельства случились, – он покосился на Сандра Огненного, который несколько помрачнел, но согласен кивнул.

А вот тут я не выдержала:

– Как сто лет?! Ведь он, – я смутилась вдруг, но продолжила, – Ректор же сказал, что ему тридцать восемь!

– Да ты дослушай до конца, вот неугомонная ведьмочка-то, – заворчал дядька Симеон.

Ректор же заломил бровь:

– Вы что же думаете, Ведяна, что глава учебного заведения должен все своими глазами, лично видеть? Для чего же тогда существуют записи, древние манускрипты и книги учета? – последнее слово он произнес с явной неприязнью.

– Артефакты, наконец? – мужчина укоризненно посмотрел на меня, и в глазах его промелькнуло какое-то странное выражение. А у меня ни с того, ни с сего сердце дрогнуло и кровь прилила к щекам.

Я скорее отвернулась к дядьке Симеону:

– Извиняюсь, что перебила, – буркнула я и вздохнула.

– Вы говорили, что на вашей памяти такого не было лет сто. А чего не было-то?

Дядька Симеон нахмурился:

– Да того, чтобы кто в наши стены вот так запросто попал, как ты! Сразу-то я не сообразил, каюсь. Были у меня тут...

обстоятельства, сказал же.

– Лет сто тому назад, – продолжил он наконец, когда я от любопытства уже была готова ногти грызть, – в нашей Академии, тогда еще, правда, она была Школой Боевых магов, имелся еще один факультет. Догадалась, какой? – тут оба мужчины посмотрели на меня с нескрываемым интересом.

А я что? Дурочкой-то никогда не была. Не бывает таких ведьмочек в природе. Долго не живут.

Но догадка, пришедшая мне на ум, заставила ахнуть:

– Неужели Ведьмовства? – я совершенно растерялась и недоуменно посмотрела на дядьку Симеона.

– Нет, нет! Да этого не может быть... – повернулась я к ректору. Мол, подтвердите мою догадку. И прочитала на его лице, что – да. Может. Именно так и было.

– Да как такое возможно-то... Ведь все знают, что наши источники совсем разные...

– Вы правы, Ведяна, – вдруг глухо произнес ректор и поправил ну просто идеально сидящий на нем камзол.

– Поэтому и находился тот факультет на самом краю тогдашней школы, практически у самого леса.

Я ничего не понимала. Вот ничегошеньки. Факультет Ведьмовства был тут, в этой Академии? Н-но... Но почему бабуля об этом никогда не упоминала? Уж кто-кто, а она должна была об этом знать.

Да у меня голова даже закружилась. Прибыла в цитадель знаний, вот точно, прибыла.

Такие знания свалились, что теперь и думай, что с ними делать-то.

Но когда я услышала про лес, так даже вздохнула. Лес!

На территории Боевой Академии есть настоящий лес.

Ухх! Чувствую, развернусь я здесь. Если лес рядышком, значит моя ведьминская сила сразу вырастет.

Ведь наша-то Академия, чародейская, она в самой гуще леса стоит. Да какого леса-то. Не простого, а волшебного. Такая чащоба, что туда только порталом и попасть можно. А иначе никак. Ведь нас, ведьмочек, нужно учить да воспитывать в натуральных условиях. Тогда только толк будет и дар начнет развиваться.

Я даже воодушевилась, правда, ненадолго. Ведь это что получается-то? Лес! Лес это чудо как хорошо. Но ведь не зря портал открылся сюда... Ох, не зря. Меня привел. Зачем?

Я и спросила сразу:

– А все одно ничего я не понимаю. Ну, хорошо, привел меня сюда портал. Был тут когда-то ведьминский факультет. Мне-то что с того?

Архимаг огня, ректор Боевой Академии, задумчиво ответил:

– А вот об этом мы узнаем. Надеюсь, что довольно скоро. Ничего себе ответ главы Академии...

Узнаем скоро. Значит, он и сам еще ничего не понимает толком? Я с великим сомнением посмотрела на Сандра Огненного. Это как, а?

Впрочем, с моим-то везением нечего тут и удивляться.

В животе вдруг заурчало, да так требовательно, что дядька Симеон вздрогнул. Ректор же понимающе кивнул и сказал:

– Магистр, адепты уже заканчивают завтрак. Отведите Ведяну в столовую, прошу вас.

Наш разговор мы продолжим позже.

Дядька Симеон с трудом вытащил свое тело из хрупкого на вид, но вот, выходит, надежного креслица-то:

– Пойдем, Ведяна. А то у нас строго по расписанию. Можешь и без завтрака остаться.

Остаться без завтрака мне совершенно не хотелось. Нас, ведьмочек, нужно кормить хорошо и регулярно. Иначе и до греха недалеко. Злые мы сильно становимся, когда голодные-то.

И тут я почувствовала, как Рыська завозился где-то там, в своем подпространстве. Про завтрак услышал, не иначе. Вот насчет еды это он откуда хочешь услышит. Я даже представила, как он порыкивает, втягивая и вытягивая длинные и острые как ножи когти :

– С-скорей иди-и. Ведянка, и про меня не забудь. Бедный я, совсем заброшенный фамильяр. Голодный.

Забудешь тут про него, как же. Пропадает без спросу. Ух, я с ним сегодня поговорю!

Я схватила котелок и скорее за дядькой Симеоном. Ректор же сразу зарылся в свои книги и даже не посмотрел мне вслед.

Ну и ладно. Что же он, каждого адепта должен провожать взглядом?

Но почему-то стало ужас как досадно.

Глава 15

Я вышла на улицу в полном смятении. С горящими щеками и колотящимся сердцем. Значит, я вовсе не случайно оказалась в Боевой Академии. Голова опять пошла кругом. Как в тумане, я шла за дядькой Симеоном и тут услышала обидные слова:

– Ну, не знаю, Вилка. Может, и она. Только вряд ли. Эта просто замарашка какая-то.

Я остановилась, как будто на глухую стену налетела и прищурилась. Ну да. Те же самые две девушки. Высокая, Вилка-то, чуть пальцем на меня не показывала.

Замарашка!

Это она про меня? Да у меня в сундуке шубка соболиная, между прочим, лежит! Да платьев десятка два на все случаи жизни.

Я нахмурилась и сжала бы кулаки. Да руки котелком заняты. Нет, так больше нельзя! Котелок, конечно, для каждой ведьмочки дело святое, но везде с ним ходить это совсем даже неудобно. Дома-то я никогда с ним не ходила, но тут и своей комнатки нету.

А оставить его никак не могу. Ага, как же. Не дождетесь!

И я только усмехнулась и отвернулась от них. Противные девицы. Замарашка. Ну да, юбки у меня помятые да на рукаве дыра. Но из качественной ткани юбки-то, заморской,

между прочим. А другой одежды у меня тут нету.

Эхх...

Ну, ничего. Дыру залатаю. Юбки еще раз хорошо натру мыльным корнем. Раз лес есть тут, то и корень найдется.

А там что-то да придумается. Возьму вот и потребую.

Имею право. Потребую, чтобы дали мне поговорить с госпожой Лионой. Сундук-то она ведь может сюда отправить? Или нет?

От горестных раздумий даже голова заболела. А может быть, от этих новостей и от голода.

Да дядька Симеон спас, отвлек от невеселых мыслей.

– Пришли, Ведяна! – он меня за плечо потряс, я и очнулась. Бывает со мной такое. Замечталась о своем сундуке заветном, и вот чуть мимо вожаденной столовой не прошли. Нет, мечты на голодный желудок – это вредно.

Столовая Боевой Академии размещалась в одноэтажном домике такой веселенькой расцветки, прямо как радуга. Я и сама улыбнулась. Да это настоящий пряничный домик. Никак не ожидала, что в таком месте может быть этакая милота.

Дядька Симеон только хмыкнул и раскрыл дверь:

– Скорее проходи. Через десять минут выдача закроется. Останется в доступе только травяной чай. Видишь, вон стоит большой чайник? Титан называется.

Я глянула.

И точно, стоит, высокий такой, с краником и боками блестящими.

– Чай всегда доступен адептам, имей в виду, – добавил он.

Я ахнула и головой покачала. Богато живет Академия.

Дядька Симеон довольно хмыкнул:

– А теперь иди вперед. Видишь там линию раздачи?

Что такое линия раздачи я не знала, конечно. Но видеть

– увидела. У нее стояли двое тоже опоздавших адептов, и один из них был мне знаком. Лаврик собственной персоной. Парнишка тоже меня увидел, покраснел и скорее отвел глаза.

Схватил из стопки поднос и пошел направо. Поднос ехал по этой линии. Но не сам. Лаврик его придерживал.

А за этой линией на небольших витринках, в углублении, стояли тарелочки и плоски с едой. Запахло блинчиками. Я сглотнула и поспешила туда. Видела я такое в первый раз, но ничего. Разберусь. В Чародейской тоже такое, наверное. Вот тут научусь и там не упаду лицом в грязь.

Подошла с независимым видом, прижала котелок одной рукой и взяла самый первый поднос. Легонький совсем. Это из чего ж он сделан-то? И не дерево, и не металл. Чудеса тут у них. Ну, не артефакт же? Ладно. Не о том я.

И двинулась по этой линии, вцепившись в поднос. А поглядывала, не без того, на Лаврика. Он-то, смотрю, тоже поглядывает и смущается. Даже весело стало. Чего это он? Я, конечно, девушка видная, но парнишка-то совсем малец. Интересно, с каких лет берут в Боевую Академию?

В нашу с семнадцати, в редких случаях, вот как у меня, с восемнадцати.

А Лаврику я б и шестнадцать не дала по виду.

Ух—х! Тут я увидела, что лежит на тарелочках и сглотнула. Точно, блинчики, мои-то любимые. Рядом вазочки со сметаной и вареньем, и еще чем-то непонятным, цвета вот как молоко топленое. Но густое только.

Я скорее взяла себе блинчиков, да и вазочки прихватила. Все три.

А что?

После таких нервных потрясений ведьмочке ну просто необходимо плотно покушать.

А вот что же я Рыське принесу? Блины он съест, но ведь мясо предпочитает. Интересно, как у них тут с мышами? Фамильяр мой, хоть и призрачная рысь, а мышками не брезгует. У нас с бабулей вон всех подчистую извел. И кротов в огороде не водилось. Чуюли, сразу уходили. Жизнь-то и кроту дорога.

Тут я увидела, что в другой витринке стоят горшочки. Мясо?! Заглянула. Нет. Это каша, и по запаху, овсяная. Что ж, и кашу возьмем. Я поставила горшочки на поднос. Светлая мать, ну как же неудобно и поднос этот продвигать, и котелок свой прижимать. Хорошо еще, что руки у меня не такие слабые.

Гляжу, а линия -то и закончилась. Два паренька взяли свои подносы и понесли к столам. Столы тут стояли обычные, деревянные. Два длинных, за которыми могут одновременно поместиться человек двадцать. И несколько квадрат-

ных, на четыре человека самое большое. А еще у самого окна стоял отдельный стол. Человек на шесть-восемь, я прикинула.

Наверное, преподаватели там едят. Интересно, ректор тоже с ними? Сердце екнуло и дыхание на миг прервалось.

Не о том я думаю!

А вот как теперь я, нагруженная подносом и котелком, справлюсь-то?

Левитировать не умею. Ни сама, ни предметы. Что делать-то? И котелок не могу оставить, и поднос в одной руке не унесу.

Я замерла на секунду, а потом решительно тряхнула растрепанной опять, ну что за невезение-то, косой.

Котелок прижала к груди и зажала локтем. Присела, взяла поднос двумя руками. Он опасно накренился и тарелочки поехали вниз. Я медленно стала выпрямляться и теперь уже сама перекосилась в другую сторону. Зато тарелочки замерли на минуту и поехали назад.

Я, затаив дыхание, двинулась к ближайшему столику. До него оставалась какая-то пара шагов, и я уже предвкушала, как поставлю свою ношу наконец и брякнусь на стул, как вдруг опять услышала знакомый голос:

– Нет, ты на нее посмотри, Тильдушка. Посмешище! Из какого только медвежьего угла выбралась.

Сердце заколотилось, равновесие нарушилось и тарелочки бодро поползли вниз.

Глава 16

Я прищурилась и постаралась выровнять дыхание. Прямо так, как бабуля учила. Бывало, стоишь над котелком, варишь зелье, а бабуля приговаривает:

– Смотри, Ведянка. Для ведьмочки нет ничего важнее, как уметь ни о чем не думать, когда зелье варишь.

Я, конечно, возмутилась тогда:

– Да как это можно, бабуля? Не могу я не думать. Мысли, они сами приходят и вертятся в голове-то.

Помню, она усмехнулась и ласково потрепала меня по голове:

– Научишься, Веденька. Главное, научись дышать. Дыханье такое делай, чтобы выдох был длиннее вдоха. Тогда успокаиваешься и мысли твои тоже.

И зелья получаются какие надо. Думаешь, почему за моими приезжают из дальних краев и на порталы тратятся, золота не считая?

Открывала мне тайны наши ведьменские бабуленька моя. И как всегда, права она оказалась. Научилась я. Вот и сейчас постаралась и мне удалось поставить поднос на стол почти без потерь!

Разве что из вазочки, что цвета топленого молока, чуток вытекла густая масса.

Интересно, что эта за штука такая?

Поставила я поднос да и посмотрела на девушку, с таким вот ехидством говорящую.

Вот всем хороша девица. Кожа белая, будто фарфоровая. Имечко вот только подкачало. Вилка. Надо же. Да у нас собаку так не назовут. В нашем-то медвежьем углу.

И ведь не боится-то совсем. Или не понимает, кого задеть пытается?

Темные они тут, в Боевой Академии. На ведьмочку, молодую, не инициированную, наезжают.

Я только посмотрела на нее и вздохнула. Сколько ж девице лет-то? По виду моя ровесница, а вот ума маловато. Прямо как дитя малое. Магичка, что с нее взять.

Отвернулась я, ничего не ответила и к еде приступила. Ведь что дядька Симеон говорил-то? Закроют через десять минут, и придется одним чаем питаться.

За спиной раздался другой недовольный голос:

– Пойдем, Тильдушка. Не о чем нам с ней разговаривать. Ведьма она, сама понимаешь.

Раздался смешок, дверь захлопнулась. Я тут же, оглянувшись, пару тарелочек и горшочек отправила в котелок, к Рыське.

И две вазочки туда же.

Блинчики были вкусные. Прямо как домашние. Значит, все таки у них тут есть нормальные домовые. Я даже успокоилась. По крайней мере, с голоду мы с Рысечкой не умрем, а наоборот, очень даже вкусно будем питаться.

А девушки... Странные они. Неужели потому, что магички? Я вот ничего не почувствовала, никакой такой магии от них не исходило. Не то что от ректора...

Ректор.

Ну вот зачем я о нем вспомнила? Весь аппетит испортила. Ведь что еще он мне скажет-то? А вдруг не получится сундук сюда с одеждой моей переправить?

Конечно, не собираюсь я на этих Вилок и Тильдок внимания обращать.

Но мне, внучке ведьмы экстра класса Эржбеты Малешской, не пристало и правда в такой одежде ходить.

Вот, бабуля, права ты была. Встречают точно по одежке. По крайней мере, такие вот бестолковые девицы.

А вот ректор ничего. Да он даже на меня и не смотрел толком. Ну как, не смотрел. Смотрел-то он, конечно, очень даже внимательно. Но вот не заметила я, чтобы одежда моя его хоть на минутку смутила.

Боевой маг, что сказать. Не такого за жизнь навидался. Да еще и не триста лет ему, оказывается. Не будет же он мне врать? Зачем бы ему. Нет, не будет.

Хотя тридцать восемь лет это тоже далеко не молодость. Ужас. Это ж почти сорок! Я вот совершенно себя не представляю в таком возрасте. Сгорблюсь, наверное. Кожа обвиснет, морщинами пойдет.

Я чуть носом не хлопнула, так мне себя жалко стало. Бывает такое со мной. Как размечтаюсь о чем-нибудь, так будто

наяву это вижу и чувствую.

Такие мы, ведьмочки. Чувствительные просто ужас. А эти... невоспитанные девицы прямо вот так и хотят до греха довести.

Я задумалась и доела последний блинчик, обмакнув его в сладкую тягучую массу цвета топленого молока. До чего же вкусная штука-то! Никогда не ела ничего подобного.

Тут только услышала, как мимо пробежали на выход Лаврик и другой парнишка, темненький и полноватый. Прямо как колобок. Опять они куда-то опаздывают.

Лаврик вдруг оглянулся и остановился у моего стола:

– Беги, Силка. Опоздаешь! – крикнул он полненькому адепту, а тот только махнул рукой.

Лаврик же замялся и опять покраснел:

– Ведян, ты, это... Ты не связывайся с Вилкой-то. Со свету сживет. С ней никто не связывается.

Я нахмурилась:

– Что же за имечко-то у нее, Лаврик? За что ж назвали так ее, бедняжку.

Вилка! Это ж кличка, а не имя.

Лаврик вытаращил глаза:

– Ну, ты и правда, из медвежьего угла, что ли? Или магистр Симеон не рассказал?

Тут лицо его сморщилось, а в глазах отразилось понимание:

– Не рассказал... Да и не мог он. Вчера оборот был, по-

этому. Не до чего ему было, – и паренек вздохнул, этак понимающе.

А у меня даже глаза разгорелись. Тут явно какая-то тайна! Тайна, о которой я и не знаю. Не знаю, но вот догадки кое-какие имелись. Все таки не зря бабуля меня книжку ту чуть не наизусть заставляла заучивать. Вот сказал Лаврик про оборот, так все и встало на свои места.

Вот оно в чем дело! Значит, в роду-то у дядьки Симеона оборотни затесались. Не иначе, дед или бабка были оборотнем. Потому как кровь-то ослабеваает с поколениями, и уж на третьем оборот потомки совершать не могут. Остается только повышенная волосатость. Не позавидуешь дядьке Симеону. То-то он тогда орал про полгода, что не оборачивался. И как я сразу-то не поняла, про что он?

Нервничала сильно, вот потому.

Вздохнула я:

– Да, такое дело-то, оборот этот. Пока в себя придешь...

Лаврик покивал согласно. Сразу видно, имел опыт общения, малоприятный.

– Так что не так с этой вашей Вилкой? Хоть ты мне скажи.

Похоже, что застряла я в вашей Академии.

Лаврик, услышав мои слова, аж весь засиял. Юношеские прыщи прямо заалели. Нет, ну правда, как они тут живут, без ведьмочки-то? Давно бы я эту пакость у него извела.

А что это он так обрадовался, интересно? Я с подозрением посмотрела на парнишку:

– Что ты сияешь, как медный таз?

Лаврик только сглотнул и постарался сделать непроницаемую мину на лице, но меня-то не проведешь. Ишь, глазки-то сверкают как.

– Давай, выкладывай про Вилку, – скомандовала я. Ну правда, что за тайны такие?

Лаврик покосился на дверь:

– Вилкой ее только Тильда зовет. А так она Вильгельмина тан Ржевски.

У меня рот приоткрылся:

– Это дочка, что ли, господина канцлера тан Ржевски?

– Не дочка, племянница.

Да. Как бы далек не был тот медвежий угол, в котором я жила, а про канцлера и мы слышали. Один у нас в государстве канцлер-то. Надо же. Я покачала головой. Да, не повезло господину тан Ржевски с племянницей.

Глава 17

Тут браслет на запястье парнишки засиял ярким светом. Лаврик охнул и опрометью кинулся вон из столовой:

– На построение опаздываю!

Я чуть не подпрыгнула. Слава Светлой матери, мне туда не надо. Не на боевого мага учусь. Уфф...

У них-то с этим делом строго, думаю.

А мне вот пора возвращаться назад. Ведь что он сказал, ректор-то? Поговорим позже. Но без чая я отсюда не уйду. Бегом к большому чайнику. Налила скорее в чистую кружку с эмблемой Боевой Академии, надо же.

Два глоточка успела сделать, как дядька Симеон уже тут как тут:

– Ведяна, поела?

Я скорее сделала третий глоток и поставила чашку на стол. Схватила котелок и к нему. Уж больно вид у дядьки Симеона был суровый. А глаза-то совсем больные. Надо же. С утра он выглядел куда лучше. Что даже странно, после оборота-то.

Я прищурилась и внимательно взгляделась в его ауру. Конечно, я пока не могу заметить все в ней изменения, мне еще учиться и учиться, но вот что голова у дядьки прямо-таки трещит, это я увидела сразу.

– Дядька Симеон, вы что ли пили настойку силены? – я ахнула. Точно, пил. Вон аура вокруг головы с синеватым та-

ким, характерным оттенком.

Мужчина только рукой махнул и скривился. Оно и понятно. Настойка силены, конечно, снимает боли в мышцах и костях, а после оборота в его-то возрасте они ой какие. Да только дает откат через несколько часов. Особенно по голове бьет.

И как они тут без ведьмочки все это время живут?

А дядька-то Симеон, неужто он не знает, что эту настойку к применению у нас ведь запретили.

И где только взял-то.

– Подержите-ка, дядька Симеон, – я сунула свой котелок в руки ошалевшего от какого действия мужчины, и засунула руку в глубокий карман верхней юбки. Вытащила несколько своих пузыречков. Ага, вот он. Тот, что сейчас ему поможет.

Настойка сарыча болотного, да еще кое-какие травы плюсом. То, что надо!

Я ловко открутила крышечку и бегом за другой кружкой.

Ну ведьмочка я, ведьмочка. Терпеть не могу, когда рядом со мной мучается живое существо.

Отмерила ровно семь капель да и сунула дядьке Симеону кружку в руки.

Тот даже спрашивать ничего не стал, одним махом выпил. Скривился, конечно и глаза из орбит полезли. Ничего, зато голова пройдет. Должна.

– Ну как, дядька Симеон, полегчало?

Тот только зажмурился, а потом осторожно открыл глаза.

С удивлением и даже вот благоговением глянул на меня. Полегчало, значит. Уфф... Меня даже в пот кинуло. Потому что только сейчас я вспомнила, что перелила капель-то. Не семь надо было, а пять.

Пять!

Ну что я за ведьмочка такая...

Но дядька Симеон осторожно повернул голову в одну сторону, потом в другую и наконец расслабился.

А я вдруг поняла, что все правильно сделала. Ведь пять капель – это для обычного человека, а для потомка орка и оборотницы в самый раз. Повезло мне. Был бы человеком, пришлось бы с ним повозиться.

– Второй раз ты меня на ноги ставишь, Ведяна, – и дядька Симеон даже приложил руку к сердцу.

Я вся запунцовела. Как же здорово, когда можешь помочь! Бабуле спасибо. Вот бы сейчас она за меня порадовалась-то...

– А теперь давай-ка пойдем, а то дядька Силай уже брови свел. Сердится, значит.

Я скорее оглянулась и никакого дядьки не заметила. Пусто было в столовой. И даже витринки опустели.

Выходит, есть у них тут домовые-то? Ну, Слава Светлой матери.

Хоть на кухне есть, и то благо. Интересно, почему мне-то этот дядька Силай не показался?

Я повернулась к мужчине, который уже налил себе чайку

из этого, как его, титана. И с блаженным видом в один глоток с ним покончил.

– Уходим, уходим, дядька Силай. Благодарствуй за чаек, – он махнул мне рукой, и я поспешила на выход.

Вопросы были. Но, похоже, лучше задать их попозже.

А то ведь видеть я не видела, но четко услышала, как кто-то недовольно фыркнул и что-то пробормотал в ответ.

Только мы вышли, как дверь в столовую с грохотом закрылась.

Вот тебе и чаек в течение дня.

Дядька Симеон понятиливо хмыкнул:

– Не бойсь, Ведяна. Откроет дверь через пару минут. Отходчивый у нас он. Но порядок любит.

Глаза у дядьки Симеона посветлели, сразу видно, что о головной боли он уже и думать забыл.

– Пойдем-ка, Ведяна, я тебя на постой определю, – вдруг сказал он.

А я даже остановилась:

– Опять туда, на чердак? – и жалобно посмотрела на свежего, полного сил мужчину.

Тот же только подмигнул:

– Нет, адептка Маленская. По распоряжению ректора тебе выделено отдельно стоящее здание старого фонда.

– Ректора? Значит, мы сейчас не к нему идем? – я почувствовала, что щеки мои наливаются жаром.

Ведь он же сказал, что потом все расскажет и вообще...

Дядька Симеон отмахнулся:

– Сейчас не до того. Да и отдал он уже распоряжение. А насчет разговора, – тут он покосился на меня, – вызовет, не сомневайся.

– Вот проведет беседу с одним охломоном, – э-э-э... Я хотел сказать, с одним из наших лучших пятикурсников, так и до тебя очередь дойдет.

Я вздохнула. Значит, разговор откладывается. А до тех пор я буду щеголять в Академии в этих вот юбках и одной-единственной блузке, которая уже и с дыркой. И в пятнах.

Ладно. Вымою, заштопаю.

Дядька Симеон шел бодро. Мы миновали дом ректора и мне вдруг показалось, что в окне на втором этаже мелькнула тень. Ведь эта та же самая комната, кабинет его.

И стол ректора как раз у самого окна стоит.

Я прищурилась и тотчас отвела взгляд. Не показалось. На меня практически в упор смотрел Сандр Огненный. И в глазах его, да и вокруг, полыхал огонь.

Глава 18

Сердце у меня остановилось, а потом забилося как сумасшедшее.

Я вцепилась в руку дядьки Симеона:

– Там... Дядька Симеон, там с ректором что-то... Глаза у него... Да там огонь!

Мужчина разом напрягся и хмуро на меня посмотрел:

– Запомни раз и навсегда, ведьмочка. Сандр Огненный – архимаг Огня. И огонь в его глазах – явление нормальное. Ну, не сказать, что совсем обычное, но когда имеешь дело с Никасом Ланьери, – тут он хмыкнул и с явным сочувствием посмотрел в окно.

Правда, ректора там уже не было.

– Так что, Ведяна, запомни. Последнее дело выводить из себя нашего ректора. Можно отделаться испугом, а вот раньше, еще при его деде, как-то раз пришлось заново ректорский корпус отстраивать, – тут дядька Симеон вздохнул, и как-то вот так, будто даже скучал по тому событию.

Интересно, а сколько ему самому-то лет? Я искоса взглянула на мужчину. Про таких говорят, что “в самом соку”. Вот Силка, кузнец наш, примерно так выглядел. Но Силке-то лет сорок пять, ужас! И это самый сок?

Не знаю, не знаю.

Я понятливо кивнула. А вот интересно. Ведь архима-

гом-то просто так не становятся. Особенно в такие-то молодые, ну, для архимага годы, как у ректора.

Я еще понимаю, лет в сто-сто пятьдесят.

Во сколько же тогда наш... ректор стал архимагом-то? Вот никак у меня не укладывалось в голове. Или... А что, если ему на самом деле вовсе не тридцать восемь-то лет?

Я нахмурилась и тотчас себя отругала. Что это со мной? Да какое мне дело до того, сколько лет ректору Боевой Академии!

Правильно. Никакого мне дела нет.

– Куда идем-то, дядька Симеон? – я отвернулась от ректорского дома, хотя вот что-то внутри меня так и тянуло еще разок взглянуть в окно.

Но смотреть я не стала. Вот еще. Что я, архимагов не видела? Вон, в бабулиной книжке нагляделась.

Настроение почему-то испортилось совершенно. Котелок стал оттягивать руки. Странно. Вот до этого самого момента я и веса его не чувствовала.

– В твои новые пенаты, ведьмочка, – усмехнулся дядька Симеон, но глаза его так и забегали.

Ох, скрывает он что-то.

Наконец мы завернули за угол и ректорский дом скрылся из глаз.

Дорожка из красных кирпичей весело вилась под ярким весенним солнцем и уводила нас все дальше и дальше.

До моего нового жилища мы шли еще минут пятнадцать,

не меньше.

И за все это время никто нам на пути не попался. На занятиях адепты-то. Счастливые! А я вот все никак до своей академии не доберусь. Вот что мне тут у них делать-то?

Расстроилась я. Не ровен час, и мне придется на это их построение бегать. Вон, как Лаврик-то понесся, будто укусил его кто.

Дорожка наконец закончилась. Вот так сразу. Взяла и закончилась.

И передо мной оказался тот самый домик, рядом с которым я уже побывала вчера вечером.

Покосившийся, с облупившейся красной краской на резных наличниках.

Со знакомыми такими петухами. Я их где-то уже видела.

Окошки, правда, были большей частью побитые. А на целых, которых я насчитала две штуки, сидели пауки с кулак величиной и деловито плели свою паутину.

Наше появление их никак не потревожило.

А за домиком стоял стеной самый настоящий лес. Лес!

Я замерла и медленно повернулась к дядьке Симеону:

– Неужто тут был факультет Ведьминский?

Дядька Симеон закашлялся:

– Что ты, Ведяна. Факультет у нас был в двухэтажном доме, каменном. Эхх... Вот как сейчас вижу:

Стоит перед дверью горный лев с поднятой лапой, а в лапе той зажата надувающая капюшон змея.

– Символ был такой, у факультета, – пояснил он и моргнул.

Я кивнула.

Символ. Надо же. Как раз такой вот символ был на той книжке, что бабуля прятала. И даже на нашем, ведьминском, наследственном гримуаре видела я такое вот изображение.

В правом нижнем углу.

Вот оно что...

Я медленно подошла к приходящему в упадок домику и прислонилась к стенке. Облупившаяся краска сразу запуталась у меня в волосах. Но от этого домика шло тепло. Такое вот мягкое, едва заметное.

Закрыла глаза и почувствовала, как это тепло проникает в мое бедное, одинокое сердечко.

– Дядька Симеон, – прошептала я и дурацкие слезы неожиданно потекли из моих глаз.

Ну что такое-то...

– Ведь она тут жила, да? Моя бабуля.

Дядька Симеон кивнул головой:

– Права ты, Ведяна. Ведьма экстра класса Эржбета Малевская жила тут когда-то.

– А что же так запустили домик-то? – я смахнула слезы с покрасневших глаз. Разозлилась, вот по-настоящему разозлилась.

– Неужто в Боевой-то Академии домовых нету?

Я посмотрела еще раз на домик и решительно заявила:

– Вот как хотите, дядька Симеон, а одна я тут не справлюсь.

– В столовой ведь есть домовые-то, а куда остальные подевались?

Дядька Симеон руками развел:

– Тут такое дело, Ведяна. Ушли они.

А я ушам своим не поверила. Как это ушли? Да не бывает такого, чтоб домовые дом свой покинули. Они ж не к хозяевам привязаны, а к самому дому-то.

– Как ушли?! Куда? – никогда такого я не слыхала. У нас с бабулей тоже ведь жил домовый. И никуда он не уходил. И всегда его ждала тарелочка со свежим молоком и хлебушком пшеничным. Ржаного-то не любил наш-то.

– А вот так и ушли. Не смогли жить в этом доме без хозяйки.

Я посмотрела на него с подозрением. Новости какие! У них тут, в Академии, и домовые жить не хотят. Но как же дом без хозяина-то?

Кто присмотрит за порядком, кто от огня да воров уберет?

– Слишком близко к охранной границе дом. Не любят они такого соседства. Ведь знаешь, кто нас охраняет-то? – дядька Симеон вопросительно на меня посмотрел.

Ну-у... Откуда мне знать-то? Так и сказала.

– Элементали третьего порядка, – ответил дядька Симеон и поднял палец вверх.

Я и охнула.

Надо же.

Это ж какая страсть-то... Там силы магической столько, что никакой домовой не выдержит такого соседства.

Да его просто выкинет сразу.

– И как же вы без домовых-то? – я вспомнила грязный чердак, да и коридоры в самой Академии чистотой-то не радовали.

– А дежурства у нас. Адепты вот дежурят. Следят за чистотой и порядком, – довольно сказал дядька Симеон.

Ну-ну. И где они видели чистоту и порядок-то?

Разве в кабинете у ректора...

А ведь там действительно было чисто. И в доме его, и на лестнице.

Выходит, у Сандра Огненного домовые очень даже живут!

– Ты это, Ведяна. Располагайся тут. И не бойся, это с виду домик совсем неказистый. А внутри ничего. Сама увидишь.

Дядька Симеон подмигнул мне и отправился по своим делам.

Я посмотрела на домик еще раз и вздохнула. Нет, оно конечно, ведьмы грязи-то не боятся.

К тому же, у них и фамильяры имеются.

Я нахмурилась и потрясла котелок.

– Рыська, а ну-ка, вылезай.

Глава 19

– Ну что-о-о... Нету никакого покоя мне от тебя, Ведянка, – зевая во всю свою немаленькую пасть, Рысечка мой высунул голову наружу. Нет, все таки он молодец у меня. Знает, когда можно показаться, а когда нет.

– А вот я тебе покажу уже насчет покоя-то! – я нахмурилась. – Где с утра был–пропадал? Фамильяр называется! Не дозовешься его.

Но тут Рыська увидел вдруг домик и почему-то прижал уши. Это мой-то Рыська. Мой бесстрашный защитник прижал уши. С чего бы это?

Я быстро огляделась по сторонам. Вроде никого. Лес шумит рядом. Дорожка, заросшая травой у самого порога, убегает за угол. Тишина стоит. Хорошо-то как. Почти как у нас дома...

– Что ты, Рысечка, – сказала я шепотом, на всякий-то случай.

– Горе мое-о. Идут сюда. А тебе бы все только ругать фамильяра своего,, – попенял он мне, это за ним не заржавеет. Но глаза-то скосил, паршивец этакий. Значит, знает за собой вину-то. Знает, и скрывает.

Ох и странно это. Не помню, чтоб фамильяр мой что от

меня скрывал-то.

Ну да ладно. Разберемся.

И Рыська мигом нырнул в уже порядком доставший меня котелок. Нет, нужно наводить порядок в этом домике и защиту ставить. Нашу, ведьминскую, чтоб никто не покусился-то на собственность мою.

Вот слух у него! Я-то ничегошеньки не почувствовала, но минут через пять послышались и правда шаги. И из-за поворота показался, сверкая глазами, Лаврик. А рядом с ним... Светлая мать, рядом с ним шел самый настоящий принц. Вот такой, каких только в книжках рисуют. Светлые волосы локонами падают на широкие плечи. Синие глаза смотрят пронзительно. Губы принца были недовольно поджаты и смотрел он на меня... ну вот с таким пренебрежением.

Как на чернушку какую.

Я подбоченилась, подняла бровь и уставилась на него во все глаза. А вот нечего так на меня смотреть! Так смотреть я и сама могу. Если жизнь заставит. А заставляла она меня часто. Рядом с селом жили-то. И парней да мужиков молодых хватало там, с гонором-то. Правда, как заболит что, так и гонор сразу-то проходил. Прибегали сестры-матери к нам за помощью. К кому ж еще? Мы с бабулей и не отказывали. Ведьмы ведь.

Этот же... Ну что я ему сделала, чтоб так на меня смотреть-то? А сердечко мое екнуло, вот не совру не словечка. Екнуло. Да и как не екнуть-то? Принц, вот прямо настоящий принц. В селе нашем таких отродясь не водилось. А вот в книжках видала я.

Эхх.

И хоть не мечтала я о принце, говорила ж, что о маге мечтала, а сердечко все равно екнуло.

Красив он, и знает, что красив.

Ишь, как подбородок вздернул.

– Ведьма? – нахмурился принц и сказал недовольно:

– Ну, давай.

Я рот чуть не открыла-то. Что ему давать? Или болит чего?

– Что давать?

Принц дернул широким плечиком, одетым в форменный пиджак из очень, я точно знаю, дорогой материи. Совсем не такой, как вот у Лаврика. У Лаврика хоть ткань хорошая, но обычная. А эта заграничная, точно.

Принц вздернул бровь:

– Фронт работ показывай.

А вот тут я чуть не села и котелок мой из рук чуть не уронила.

Это как же?!

– Да закрой рот, деточка. Непонятно я сказал?

Я головой замотала. Вот непонятно. Совсем непонятно.

Это что же, вот этот вот образец мужской красоты, будет избу в порядок приводить?

– Э-э... А вы кто? – я смотрела на принца и никак не могла взять в толк, что он не шутит.

– Ведян, это Никос, – преданно взглянул на принца Лаврик. – Никос Ланьери, наш лучший маг-пятикурсник.

Никос Ланьери... Я точно слышала это имя. Ну, конечно! Ведь дядька Симеон о нем говорил. Я прищурилась. Выходит, вот это и есть тот самый пятикурсник, из-за которого у ректора в глазах был самый настоящий огонь?

Ну вот зачем я опять вспомнила про ректора-то. Прямо вот встал перед глазами. Зеленые глаза с мерцающим огнем в зрачках. Темные волосы, убранные в высокий хвост. Широкий разворот плеч.

Я зажмурилась на минутку. Ну почему он не выходит у меня из головы-то? Вот наказание.

Получается, Сандр Огненный наказал этого Никоса. И вдобавок послал ко мне, домик в порядок приводить.

То-то дядька Симеон тогда так хмыкнул, когда я заявила, что одна не справлюсь.

Выходит, знал, что будет помощник. А вот про Рысеньку моего он даже не заикнулся. Знает, что есть фамилляр у меня, как не знать. И ректор вот знает.

Да понимают, что с фамилляром только ведьмочка может сладить.

Какой же все таки молодец Сандр-то Огненный. Заботли-

вый ректор у Академии Боевой. И адептов вон трудом воспитывает.

Я прищурилась и еще раз взглянула на Никоса. На руки его белые. Так и есть. Руки у него с длинными пальцами, ухоженные. Не княжеских ли кровей? Ухоженные-то ухоженные, но и мозоли есть. Выходит, не чурается и работы тяжелой.

– Ну и, ведьмочка, долго ты смотреть на меня будешь? Нравлюсь?– вздернул бровь Никос и усмехнулся, а глазах его промелькнуло вот что-то такое, отчего у меня в груди похолодело.

Уж очень он глядел как-то... тяжело глядел. Прямо вот как Тимошка, когда последний раз меня видел.

Я вздрогнула и отвела глаза, а когда вновь посмотрела на этого наглого Никоса, то глаза у него стали самыми обычными. Красивыми, но обычными. Ушла из них тень-то эта, тяжелая.

– Нагляделась уже! – гордо заявила я и отвернулась, чтобы скрыть невольный румянец. Смущать он меня еще тут будет.

– Ну, заходите в дом, помощники. Будет вам фронт работ.

Сказать-то я им так сказала, но в дом вошла, конечно, первая. Ведьмочка я или кто? Мы, ведьмочки, в свой дом первыми заходим. Принято так. Конечно, сначала нужно бы Рысенку первым запустить. Фамильяр же.

Но ведь не на глазах у посторонних!

Вздохнула, сделала я первый шаг и сразу увидела печку.

Светлая мать... Печка! Прямо вот совсем, как наша, в доми-
ке моем родном была.

Только серая вся да запыленная. Как же давно тебя не бе-
лили, матушка-кормилица.

Но ничего, побелю. Дело-то привычное да нехитрое.

Огляделась скорей по сторонам.

А ведь не соврал дядька Симеон. И правда, внутри домик
выглядел куда лучше, чем снаружи.

Оба окна в комнатке были целы. У одного, справа, стоял
длинный стол. Вот почти такой же, как у нас дома-то. Мы с
бабулей на нем травы раскладывали, разбирали, да по куч-
кам собирали. Какие сушить, какие замачивать, а какие и
вовсе в полнолуние в земельку закопать.

Бабуля... Ну почему ведьмы живут меньше магов-то?

Я нахмурилась и сдержала слезы. Не хочу при этом прин-
це местном плакать. Пусть вон свою повинность отрабаты-
вает.

Глава 20

Ох и пыли тут, в комнатке-то! Я скорее посмотрела в левый угол и увидела там два вставленных друг в друга ведерка. Вот прямо как у нас дома было-то.

И метелка рядом стоит, прямо как новенькая. Вот и хорошо. Не иначе, дядька Симеон позаботился. Прямо на сердце потеплело у меня.

Я высунула голову на улицу:

– Лаврик, заходите. Вот вам ведра да метелка. Воды надобно принести да побольше бы.

Хватит ли двух ведер-то? Ну, ничего. Никос парень видный, крепкий, принесет. А вот Лаврик-то... Ему только метелкой работать да вокруг дома ветки да сучки старые собирать. Уж больно тощий парнишка. Интересно, на какого мага он учится-то. Какая стихия? Так-то не могу определить я, с налету. Приглядется надо к ауре-то. А для этого мне еще учиться самой нужно.

Ну, фронт работ, как выразился-то принц здешний, ему будет по силам.

Ничего, окна да полы начерно вымоет. А вот стол... тут я присмотрелась и скорей подошла поближе. Подошла, да и увидела, что стол-то будто колпаком накрыт. Прищурилась я... и точно! Защита над ним, да не простая, а наша, ведьминская.

Да только странно это. Чего ж стол-то защищать пустой?

Надо с этим разобраться. Я даже почувствовала, как сердце у меня опять екнуло и подскочило. Тайна? Тут какая-то тайна!

И самое главное, что пыли-то на столе совсем нет.

Я подошла поближе и чуть носом в стол не воткнулась. Пустой стол. Ничего на нем нет. Разве что...

Нет, показалось.

Это солнечный лучик пробрался через паутину и отразился в окне.

Ладно. А теперь нужно котелок пристроить. Давно пора найти ему подходящее место. А какое место для котелка самое подходящее?

Правильно!

В печке. И пусть там грязи да пыли хватает, и пепел от углей прогоревших, а все одно места надежней нету в избе-то ведьминской.

Слышу, сзади загремели ведрами помощнички неожиданные. А ведь хорошо! Конечно, самой бы мне ведра таскать не пришлось. Рыська-то на что? И хоть сам он никак их не поднимет, да порталчик откроет и водицу прямо вот в ведра направит.

Но зачем об этом знать принцу-то? Правильно, не зачем.

А Лаврик-то, Лаврик... Вот прямо хвостом за ним, и в глаза смотрит. Видно, уважает сильно того Никоса.

– Ставьте ведра вон тут прямо, и за окна беритесь, – ско-

мандовала я. А что? Пусть паутину выметут да большую грязь смоят. Дальше-то я сама, прямо вот до зеркального блеска отмою. Чай, не чужой домик-то, бабулин.

Принц-то мой, Никос, как увидел пауков с кулак величиной, аж скривился. И пусть на секундочку только, но я-то заметила.

Неужели боится? Знаю, некоторые пауков страсть как боятся. У нас вон, в селе, Силкин сын, кузнеца-то, один раз в обморок свалился. Вот не вру. Пошел в сараюшку за углем для горна, а стемнело уже. Вот он заходит, а на него вдруг летит чудище страшное с глазами красными. Ну, это он так потом рассказывал. И прямо в лоб ему. Не сдюжил парень, свалился. Я-то потом к нему с настойкой бегала, от нервов пользительной. Да и заглянула в ту сараюшку. Паук там был, и правда, необычный. Размером-то с кулак, как вот эти вот, на окошках. А такие заводились только на местах, силой магической наполненной.

Я замерла. Это что ж получается? Домик, в котором жила ведьма, стоит на земле, где магия?! Да такого быть не может!

– Лавр, что стоишь? – услышала я чуть хриловатый голос Никоса.

– Бери метлу, и давай к окнам. Сметай пауков!

Я сразу отмерла.

Вот права я. Точно, местный красавец мужчина боится пауков. А то зачем Лаврика-то зовет?

Я посмотрела на Лаврика, который с метлой наперевес

пошел к окошкам. Нахмурился парнишка, весь подобрался. Как на бой идет, честное слово. А потом услышала странный возглас:

– Не может быть..

И потом звук упавшего тела. Ба-бам. Скорее повернулась.

Принц с белым как мел лицом лежал на грязном пыльном полу. И волосы его, вот прямо завидки взяли, какие они шелковистые да цвета сливок свеженьких, уже все в паутине.

Я же говорила – боится он пауков. Помню, бабуля даже говорила, как эта боязнь называется. Да забыла я.

А Лаврик ничего. Кинулся было к Никосу, да на меня посмотрел, и скорее назад, окнами заниматься. И правильно. Чего ему тут делать, когда ведьмочка рядом?

Я вздохнула. Вот что делать прикажете-то. Отсюда вижу, что обычный у парня обморок. Пройдет скоро. А вот то, что я да Лаврик увидели эту вот его слабость...

С этим что делать?

Знаю, ох, знаю, как не любят парни слабости-то свои показывать.

Гордые они. А тут и вообще. Как там дядька Симеон говорил? Лучший маг среди пятикурсников?

Я нахмурилась и скомандовала:

– Лаврик, бросай метлу. Выйдем-ка на минуточку. Тут во дворе мне нужно кой-чего посмотреть. Да и воды еще надобно принести.

Лаврик сверкнул глазами, с великой радостью отбросил

метлу-то и скорее за порог.

Я услышала сзади сдавленный вдох и быстрее за ним.

Пусть принц придет в себя и увидит, что в комнате никого.

Очень надеюсь, что во второй раз в обморок он падать не будет.

Ну, а если и будет, то мы с Лавриком пока займемся дво-ром.

А вдруг тут есть место и для огородика?

Как же без огородика-то? Если уж тут жила моя бабуля, и еще ведьминский факультет вела, то точно должен быть. Ведь многие травки заморские она сама выращивала, которых в наших-то лесах не бывает.

Но как же так, почему ж я ничегошеньки об этом-то не знала?

Я смахнула с волос прицепившуюся паутинку:

– Пойдем-ка, Лаврик, посмотрим, что там, за домиком-то.

Парнишка согласно кивнул и рванул со всех ног за дом.

Надо же, ему и самому, видно, интересно, что там.

– Сюда он шел, я видела. Своими глазами видела, Вилка! – услышала я знакомый голос и из-за угла показались две девицы-красавицы. Вилка и Тильдушка собственной персоной. Вот их-то что сюда принесло? Я посмотрела на свои замызганные юбки и оборвала паутину, облепившую растрепанную косу.

Только этих королевишн тут не хватало. Мало мне принца-то.

Девицы увидели меня и остановились как вкопанные. У Вилки глаза полезли на лоб:

– Кого я вижу! Ведьма у развалин. Тильдуш, да она тут не иначе, как пауков гоняет. Одета как раз подходяще.

Ну вот что за противные магички-то. Какое им вообще дело до меня?

– Конечно, гоняет, Вилка. Что ей еще остается? – Тильдушка презрительно фыркнула.

– Ведь не жить же ей с ними. Хотя... – она хмыкнула. – Судя по всему, ей не привыкать.

Я нахмурилась. Это что же получается-то? Они ко мне, что ли, издеваться пришли? Ведьмочка я молодая, не инициированная. Заклинаньями толком не владею, но вот есть парочка, которые я освоила. Ну, почти.

Простенькие, но действенные. Одно вот прямо вертелось на языке. Едва я себя успокоила. Негоже начинать даже такое вот знакомство с заклинанья спотыканья. Нет, бабуля его как-то по-другому называла. А я вот попросту – спотыкаш.

Как произнесу, так куда не пойдут, падать будут на ровном месте.

А место тут не совсем чтоб ровное. Дорожка вон заросла у дома. Корни то тут, то там. Так и личико белое попортить можно, ненароком-то.

Глава 21

Сдержалась я едва-едва. Вот даже загордилась. Ну разве не молодец я? Еще какая молодец-то. Как там бабуля иной раз говаривала, а я еще удивлялась – говор-то совсем не наш был?

“Сдержать души своей порывы – это, Ведяночка, доблесть большая”.

Души порывы... Да, так вот она иной раз говаривала. Теперь-то я понимаю, почему. Ну, раз факультетом заведовала тут, в Боевой Академии.

Удержалась я, и так вот, ехидненько, – мы, ведьмочки, это очень хорошо умеем, и говорю:

– Так это вас прислал мне в помощь дядька Симеон? И, главное, вовремя так. А то еще не всех пауков мне ваш Никос вымел.

Вот скривились адептки-то! А невысокая, Тильда аж покраснела и глазами засверкала:

– Никос?! Да что ты мелешь, деревенщина! Ты хоть понимаешь, о ком говоришь? Да Никос Ланьери лучший...

А вот тут я уже не выдержала и заклинание “спотыкаш” просто вылетело из моего рта.

Ну что ты будешь делать... Нет, мне еще работать над собой, как говаривала бабуля, и работать. Вот ее-то из себя вывести никто не мог. Впрочем, не особенно и пытались. Бабуле моей и одного взгляда хватало.

Тильдушка побледнела:

– Что-о?! Ты что сказала, ведьма! Ну смотри, если это было заклинание – конец тебе. В миг вылетишь из Академии, не успев в нее попасть.

Или ты не знаешь, что у нас запрещено применение заклинаний третьего уровня?

А вот тут струхнула и я. Про запрещение знать не знала, откуда мне. Что ж это выходит-то... Сердце у меня замерло. Если отсюда и правда выгонят, то куда ж мне деваться?

Ох и страшно мне стало... Но виду я, конечно, не показала. Не привыкла бояться да сдаваться. Прищурилась я:

– Ну, это еще доказать надо, про заклинанье-то. Третьего уровня, говоришь? А с чего ты взяла, что мой “спотыкач” третьего. Да его любая ведьмочка с малолетства знает.

Тильдочка побледнела еще сильнее и широко раскрытыми глазами посмотрела на Вилку, которая сжала губы и за-сверкала темными глазами из-под насупленных бровей:

– Ты что же думаешь, ведьма, что в Боевой Академии нет нормальных магистров? Определят, не сомневайся.

И отправят тебя, куда нужно. К ведьмам твоим отправят.

А нам тут ведьмы не нужны!

Вилка вздернула нос и отвернулась:

– Пошли, Тильдушка. Вот прямо сейчас и доложим магистру Сатвалу, что творится на вверенной его попечительству территории.

Я выдохнула. Светлая мать, они к дядьке Симеону пойдут жаловаться. Не к ректору. Не к Сандру Огненному...

Но вот дойдут ли?

Я с сомнением посмотрела на адептов, уже успевших повернуть за угол.

А странно как действует мой спотыкач на Тильду эту. Другая бы давно уж пару раз зарылась носом в проросшую тра-

ву, а я ничего такого не слышу.

Я нахмурилась. Как так-то? Заклинание подкачало, выходит. Ну не-ет... С малолетства я его знаю, и никогда оно не подводило. Вон, мальчишек деревенских не раз им награждала. А нечего за косу дергать. Быстро отвадила.

– Ну ты, ведьмочка, даешь, – я скорее повернулась и увидела вполне себе здорового, пришедшего в себя принца. Правда, стоял он как-то странно, согнувшись и держался за живот.

Светлая мать... Ну что с ним теперь такое-то! Не выдающийся адепт пятого курса, а ходячее недоразумение какое-то.

Но тут этот принц поднял голову, и я увидела, что он хохочет во весь рот. Хохочет и даже слезы текут по его вот явно княжескому, аристократическому-то лицу. Куда только бледность девалась. Ну да. Тут, на воздухе пауков нету.

А вот что его так раззадорило-то?

Я еще больше нахмурилась, но уж больно этот Ник смеялся заразительно. Я и сама не выдержала, и тоже рассмеялась. “Смешинка в рот попала”, так, бывало, бабушка говорила.

Даже не помню, когда я так смеялась. Но наконец Никос успокоился, а вслед за ним и я.

– Ну, давай знакомится, ведьмочка. Никос. Для друзей – просто Ник. И он протянул мне руку.

Я заколебалась на минутку. Посмотрела принцу во все еще смеющиеся глаза, и решительно подала свою. Ладонь-то

у меня не очень чистая, но принц даже внимания на это не обратил.

– Ведяна, – сказала я. – Для друзей, ну и для всех остальных – Ведяна.

Принц хмыкнул и пожал мне руку:

– Ну что ж, Ведяна. Давно я так не смеялся. Не помню, когда видел Тильду такой.

Ты, можно сказать, меня спасла. За мной должок, – и этот нахал подмигнул мне.

– Ладно, мне пора. С остальным поможет Лаврик. Да и фамильяру твоему хватит бездельничать.

И Никос Ланьери, для друзей просто Ник, стремительно скрылся за углом, махнув мне на прощанье рукой.

Я смотрела ему вслед широко раскрытыми глазами. Это он про что? Когда я его спасла-то. Или он про пауков? Просто Ник... Получается, он теперь мой друг?

Я посмотрела на свою ладонь, которую он пожал. Надо же, не погнушался. Друг... У меня никогда не было друзей, парней-то. Так, по малолетству бегали вместе. А как в возраст стала входить, так от них только подальше держалась. В селе ведь как? С четырнадцати лет у нас невестятся уже. И хоть я жила с бабулей на окраине леса, да и ведьмочкой была, парней-то это совсем не смущало.

Наоборот. С пятнадцати лет я совсем перестала в село ходить. С того самого случая, когда Тимошка прижал вдруг меня к стене и зашарил своими грязными и потными руками у

меня под юбками.

Я-то тогда вся будто замерла, а потом вдруг что-то взорвалось внутри и здорового парня отнесло в сторону.

Вернулась я домой, бабуле все рассказала. Бабуля нахмурилась, сверкнула черными очами своими и напроць запретила мне в село ходить. А потом долго сидела, задумавшись.

Ну, хватит уж воспоминаний. Дел еще невпроворот.

Я вздохнула, отряхнула волосы и пошла в дом. Вот странно как-то все. Заклинание мое не сработало. Это уж я поняла.

Но может, оно и к лучшему. А то вдруг и правда, отчислили бы из Академии?

Хоть я в нее и не поступала, но вот жилье выделили же.

Королевишны эти местные... Вот зачем, спрашивается, их к домику понесло? И тут я вспомнила, что Тильда-то говорила, мол, она видела, как он сюда пошел.

Ведь это про Никоса, точно! То-то она покраснела как маков цвет, когда я сказала, что он пауков гоняет.

Вот оно что...

Нет, все равно я ничего не понимаю!

И, кстати, где Лаврик-то?

Глава 22

Неужели он все еще за домом, порядок наводит и даже не вышел проводить своего кумира-то, Никоса? И только я завернула за угол, как гостевой браслет на моей левой руке замигал ярким красным светом. Вот прямо как огонь самый настоящий. Да только жарко от этого огня совсем не было.

Вот же дядька Симеон! Дать-то браслет мне дал, на руку надел, можно сказать, а что к чему не объяснил.

Ну, сияет он, мигает красным. И что? Делать-то мне что? Не понимаю, что означает сигнал этот. Нет, тут без Лаврика не разберешься.

– Лаври-ик! – крикнула я поскорее. Вот плохо, когда попадешь в чужое место да никто тебе ничего толком не объяснит.

Лаврик выскочил как очумелый. Причем вовсе не из-за дома, куда он сразу побежал, а из самых-то дверей. Глаза у него сияли. Да и сам он сиял как начищенный пятак. Надо же, как труд физический действует на адептов Боевой академии-то.

Правда, при виде меня глаза эти померкли чуток. А потом парнишка и вовсе глаза отвел.

С чего бы это вдруг? Прямо вот интересно мне стало.

Ладно, и с этим разберемся. Сейчас главное понять, что ж браслет этот так сияет да мигает.

– Мигает браслет-то, Лаврик! Что с ним делать?

Парнишка приосанился:

– А к ректору тебя вызывают, Ведян. Видишь, в самом центре огонь. Значит, к нему.

Я замерла. К ректору... Выходит, пожаловались королевишны местные. А я ведь даже толком в избе порядок не навела. Котелок, вон, в нечищенную печку засунула. И защиту ведьминскую не поставила. Не успела...

В горле будто комок встал. Но что же делать, отвечать придется. Не удержалась ты, Ведяночка. Не удержала язык свой, враг-то свой.

Вот нету. Нету во мне смирения-то. Ни капли нету. Не могла смолчать, ответила Тильдушке. Эхх... Придется расплачиваться.

Хмуро посмотрела на Лаврика:

– И что, прямо сразу бежать к нему, иль терпит время-то?

– Ну ты, Ведяна и скажешь! Терпит, как же. Конечно, сразу! Ректор же вызывает, не кто-нибудь.

Лаврик сунул пятерню в растрепанные волосы и прям вот с сочувствием таким на меня поглядел:

– Да ты не бойся, Ведян. Распоряжение даст какое-нибудь, и все. Он добрый должен быть. Никосу вон сегодня досталось по первое число. Так что отошел уже.

– Или ты натворила чего? – вдруг спросил парнишка, а я побледнела. Видела я Сандра Огненного в гнев-то, видела. И хорошо, если весь гнев этот на Никоса и ушел. А если

нет... Светлая мать.

Глаза ректора, в которых сияло и вырывалось наружу яркое пламя, так и встали передо мной.

Вздохнула я:

– Прокляла тут одну адептку, Тильдой зовут.

Лаврик тоже побледнел:

– Да ты что! Ведь на территории Академии адептам запрещено применять друг к другу магию, равно как и заклятья третьего порядка.

Вот протараторил-то. Сразу видно, на зубок правила знает.

– Ну, мое совсем простенькое было.

– Простенькое? – парнишка с недоверием посмотрел на меня.

– Из-за простенького не вызовет ректор, Ведян.

А я и рукой махнула. Ну что теперь делать-то? Придется идти к нему, куда деваться.

– Приглядишь за домом, Лаврик? – попросила я. – Чай, ненадолго вызывает-то.

И тут, вот чудо-то, глаза парнишки засияли по-прежнему:

– Конечно, конечно, Ведяна! Даже не сомневайся. Тут еще работы полно. Палки вон не все еще собрал, – затараторил Лаврик, а я посмотрела на него с великим сомнением.

Надо же, какое трудовое рвение-то у молодежи тут.

– А тебе что, на занятия не надо? – удивилась я. Так поняла, что наказан-то был Никос. А Лаврик... Ну, как ниточка

за иголкой, видно. Авторитет ему принц большой, сразу видно.

Лаврик рукой только махнул:

– Не, какие занятия. Только построение. Это значит, чтобы видеть, все ли на месте. А так конец апреля ведь, у старшекурсников практика началась. А младшие уж почти все на каникулах, – грустно закончил парнишка.

– А ты что же не поехал? – поинтересовалась я, а Лаврик вдруг нахмурился и грубо так ответил:

– А мне и тут, в Академии, хорошо. Ясно? – глаза его сузились, а руки сжались в кулаки.

– Ясно, – вздохнула я и по-новому посмотрела на парнишку. Неужели ему и ехать некуда... Вот почти как мне.

– Я, если хочешь знать, – угрюмо сказал Лаврик, – здесь остался специально! Между прочим, подрабатываю. Вот!

– А ты беги, Ведяна. Негоже ректору адептку ждать, – и так он по-взрослому это сказал, явно повторяя чьи-то слова, что у меня сердце вдруг защемило.

Бежать... Да как тут бежать, когда котелок в печи и защита не поставлена? Нет. Пять минут не решат моей судьбы.

Я подобрала юбки и бегом мимо Лаврика в избу.

Подскочила к печи и встала прямо-прямо. Руки развела так широко, будто целиком печку-матушку обнять хотела.

Сосредоточилась и представила и печку, и всю комнату и весь домик заполненным белым, сияющим светом.

Надо же.

Удалось с первого раза поставить защиту. Обычно никак не могу толком сосредоточиться, а тут вот сразу.

Наверное, чары бабулины еще не до конца развеялись.

Даже сейчас она мне помогает. Я прижала руки к сердцу, а глаза защипало.

Эх, бабуля. Ну когда я привыкну жить без тебя-то...

Скорее смахнула выступившую слезу и бегом на выход.

Только дверь хлопнула.

– Лаврик, ты вот что. В дом заходить можешь, да только к печке близко не подходи. А самое-то главное – котелок мой не трогай! – крикнула ему на бегу.

Лицо у парнишки вытянулось и губы скривились.

“Чего это он?” – промелькнуло у меня в голове. Ладно, и с этим разберемся.

Сейчас главное, что ректор скажет.

Неужели и правда выгонит?

Глава 23

Сердце стучало как сумасшедшее, страшно было ой как. Бежала со всех ног. Да только загодя перед домом-то ректора остановилась. Отдышаться надо, себя в порядок привести. Огладила юбки, пятно на кофточке потерла. Да бестолку. На ночь замочить придется, высохнет же, успеет? Уфф...Скорее косу переплела.

А браслет этот противный вроде сначала успокоился, а потом опять начал мигать. Да еще и вибрация добавилась. Неприятно.

Вот как тут опаздывающих адептов подгоняют, выходит. Хочешь- не хочешь, а поторопишься.

К высокому крыльцу ректорского дома подошла спокойно. В конце концов, ведь должен же глава такого учебного заведения, как Боевая академия, понимать, что я была в своем праве.

Или не должен?

Вот госпожа Кряжская точно бы поняла. Ну, она ж и сама ведьма-то.

Понимает, чай, что мне еще до инициации ого-ого сколько.

На крыльцо поднималась уверенно и спину выпрямила так, как бабуля учила.

И охнула.

Дверь-то, высокая да черного дуба, заговоренная, прямо вот сама открылась. Заскрипела чутка, не без того, но открылась!

А я ж даже до ручки дотронуться не успела.

Ну что же. Раз открылась, входить надо. А руки-то дрожат. Перекинула косу на спину да вошла. Увидела лестницу на второй этаж, красной дорожкой застланную и струхнула вконец.

Плечи и опустились сразу. Никого-то нет вокруг, тишина. Не перед кем держать фасон. Не перед кем? Как это не перед кем. А я на что? И пусть никто не видит.

“Всегда держи спину прямо, Ведяна. Знаю, что тяжело поначалу. Зато потом спасибо скажешь”, – вот сразу вспомнила бабулины слова-то.

И ведь поняла, за что спасибо сказать. Выпрямилась, и

сразу легче мне стало. А когда глаза повыше подняла, будто за горизонт смотрю, и на сердце посветлело.

Но тут меру нужно знать.

Под ноги смотреть на забывать, а то ведь ступеньки-то высокие на лестнице.

Ну, вот и дверь в кабинет ректорский. Сердце замерло и плечи опять опустились.

Эх, Ведянка.

Вздохнула я и заставила-таки себя спину выпрямить. Не хочу в кабинет к нему, Сандру Огненному, входить, как мышка запуганная. Не бывать тому! Ведьмочка я. И будь что будет.

– И долго вы будете стоять за дверью, адептка Маленская? – неожиданно раздался недовольный, чуть хрипловатый, голос ректора.

Ой-й...

Это что же, он меня видит?! Как такое быть может-то?

Прямо затрясло меня.

И даже не знаю, от чего больше. То ли от голоса его с такой хрипотцой, которая заставляла дыхание замереть, то ли просто от страха да неожиданности.

Выдохнула и толкнула дверь заговоренную. Сандр Огненный стоял у окна, заложив руки за спину. Темные волосы его, забранные в высокий хвост, тоже растрепались. Вот прямо как у меня, коса вечно растрепанная. Камзол на нем сидел как влитой, а талия-то узкая какая. И панталоны, стыд-то, в обтяжку. Правда, такие ноги-то не грех и обтянуть. Это не Тимошкины, тощие да кривые, хоть сам и дороден. Лорд настоящий, ректор-то. Архимаг.

Ой-й. Куда -то меня не туда понесло. Я сглотнула и поскорее отвела глаза. Да поздно, стою уже красная, как маков цвет. И конечно, в этот самый момент Сандр Огненный оторвался от окна и повернулся ко мне.

Вид у него был недовольный, просто ужас до чего недовольный.

Губы поджаты, глаза сверкают изумрудом. Да слава Светлой матери, зрачок почти нормальный. Огненные искорки, конечно, имеются. Маг огня, как иначе-то. Но вот хоть огонь из них не вырывается.

А то б и не знаю, чтоб я сделала. Может, и убежала бы. Или на пол залегла сразу. Оно безопаснее, читала в бабулиной книжке. Хотя с магами-то и не поймешь толком, как безопасней. Взрывные они, огненные-то.

Я выпрямилась да губы поджала, а взор-то не отвела.

И пусть сердечко мое колотилось как птичка, пойманная в клетку, а не отвела. Характер такой. Дурацкий.

Ректор поднял бровь. Хмыкнул, и недовольство пропало вдруг из его глаз.

И промелькнуло в них изумление и что-то такое, вот неуловимое совсем... тоска?

– Ну что же, раз вы наконец изволили явиться, – вздохнул ректор и подошел к своему столу. Выдвинул ящик, порылся там, кивнул и вытащил на свет божий браслет тоненький.

– Вот, подойдите ближе.

А у меня ноги будто к полу приросли. Боюсь подходить. Вот что со мной такое-то?

Сандр Огненный вздохнул, закатил глаза:

– Да не бойтесь вы, Ведяна. Не съем. Браслет нужно поменять.

– П-поменять? – я даже заикаться стала.

– А зачем?

– Затем, адептка Маленская, что срок гостевого браслета вышел. Неужели вы не ощутили явную вибрацию?

– Ощутила, – говорю. – Как не ощутить-то. Да подумала, что это специально так. Чтоб адепты поторапливались и не заставляли ждать, – пояснила я.

А этот... этот ректор опять взял да и улыбнулся. Светлая мать... как же идет ему эта улыбка. Прямо моложе становится. И не дала бы я ему сейчас целых тридцати восьми-то лет. Тридцать, да. Не больше. Хотя и тридцать это возраст, ко-

нечно.

Так. Опять я не о том.

– Ну, адептка Маленская, пожалуй, я подумаю над вашим рацпредложением, – едва сдерживая смех, сказал мужчина.

– Правда, до сих пор мы обходились дисциплинарным взысканием. Трудотерапия отлично работает. Вы заметили? – он посмотрел на меня и улыбнулся еще раз.

А потом... потом будто тень набежала на его лицо.

Набежала на секундочку да и ушла. Но я заметила. Мы, ведьмочки, очень чувствительные. Да и аура мага на мгновение изменилась. Будто темная пелена ее покрыла.

Хорошо, что ушла она тотчас.

Но интересно, что же это было?

Как жалко, что мне еще учиться и учиться-то. А ведь на что-то это пелена была похожа. Вот видела я, у бабули в книжке видела, уже в другой, тоже от меня прятала она, да разве от ведьмочки что спрячешь?

– Значит, вы меня не выгоняете? – выпалила я, как всегда, толком не подумав.

Архимаг нахмурился:

– А что, есть причина?

Глаза у меня забегали, но я заставила их собраться в кучку:

– Эмм... Не знаю.. Нет вроде, – я собрала последние силы и честно уставилась в его, такие манящие, глаза.

Светлая мать... В эти глаза я могла бы смотреть дол-

го-долго. Я моргнула и потупилась.

Это что же выходит, королевичны не пожаловались на меня, что ли?

Вот ни за что не поверю, ни за что!

Глава 24

Неожиданно ректор выпрямился и нахмурился. Дверь в его кабинет распахнулась и в нее вошла, вот прямо как настоящая королевишна, Вилка. А за ней, скромно опустив глазки в пол, и Тильдушка заявила.

– Господин ректор, – начала было Вилка, но увидела меня и запнулась. А на лице ее появилась такая вот подленькая улыбочка.

– Значит, магистр Сатвал уже вам доложил? – довольно протянула королевишна, и тут я заметила, что форменная одежда у нее ведь тоже из материи заморской. Высшего класса ткань-то. Ну, племянница канцлера нашего, все понятно. А вот непонятно мне было другое. Форма сидела на девушке прямо как вторая кожа, и верхняя пуговка на блузке была этак вот небрежно расстегнута.

Не знаю, может быть, у них в академии так и принято, но вот сдается мне утром у нее все было застегнуто, как надо.

И смотрит, главное, Вилка эта таким проникновенным взором на ректора-то. Мол, вот я пришла, такая вся невинная и безответная, за подружку свою заступиться.

Сандр Огненный поднял бровь и сурово так говорит:

– Адептка тан Ржевски, в каком виде вы заходите в кабинет главы академии?

Вилка затрепетала ресницами, а я ни с того, ни с сего вдруг разозлилась и в упор на нее уставилась. И вот стало мне даже безразлично, что они сейчас жаловаться начнут. Пусть.

– Извините, лорд Огненный, – прошептала она и медленно так, нехотя пуговочку-то застегнула.

Нет, каково, а? Это она что же, свое женское очарование на ректоре пробует, или как? Да по какому такому праву-то?!

Чувствую, как во мне, где-то там, далеко в глубине, поднимается горячая волна.

Светлая мать... Только не это!

Уж больно эта волна похожа на ту, которая поднялась во мне тогда, в пятнадцать лет, когда Тимошка прижал-то меня к стенке.

С тех пор никогда со мной такого не случилось, а бабуля никогда про тот случай и не заговаривала больше. Эх, бабуля... Нет чтоб рассказать, что со мной тогда было. Нет, все тайны. Тайны да тайны какие-то. Похоже, до всего придется доходить самой.

А может, госпожа Кряжская, ректор-то моей Академии, поможет?

Да, вот у нее и спрошу. Дайте только добаться.

– И о чем таком мне должен доложить магистр Сотвал? – ректор сложил руки на груди, и в упор посмотрел на Вилку.

И вот сразу поняла я, что не знает он ни о чем. Значит, не приходил к нему еще дядька Симеон.

Ну, я молчать-то не стала. Не стала ждать, пока эта напыщенная Вилка начнет жаловаться.

– Это она про то, что я прокляла вот эту вашу адептку-то, Тильда которая, – вздохнув, сказала я и посмотрела прямо ему в глаза.

Надо отвечать за свои поступки, а за необдуманные-то особенно.

– Неужели? – почему-то хмыкнул ректор и этак недовольно посмотрел на выглянувшую из-за Вилкиной спины Тильдушку.

– Да, господин ректор! – затараторила Вилка. – Вы только посмотрите. чем эта немытая ведьма наградила Тильду!

Светлая мать... Да что ж это делается-то, а? Чем же ей, королевишне этой, ведьмы не угодили?

– Адептка тан Ржевски! – голос ректора похолодел. – Вы что, забыли правила нашей Академии? Оскорбления адептами друг друга запрещены. И еще в моем присутствии!

Вилка поджала губы, и нехотя так, выдавливая из себя, но извинилась:

– Прошу простить мои слова, адептка Маленская, – даже скривилась, бедняжка.

А я что?

Кивнула головой, мол, так и быть, прощаю. Но запомню. Мы, ведьмочки, такие.

– Но вы только посмотрите, лорд Огненный! – и она вытолкала Тильдушку вперед.

Ректор посмотрел. И я посмотрела. Интересно мне стало, чем же это я могла ее наградить. Ведь помню, что не упала девчонка вот ни разочка-то.

Посмотрела да ахнула. Светлая мать... Все щеки Тильдушки были усыпаны мелкими красными прыщиками. Вот точно такими, какие у деток бывают, когда они ветрянкой болеют. Неужели мой спотыкаш так на нее подействовал-то?

Опешила я и только взгляд переводила с Тильды на Вилку, с Вилки на ректора.

Нет, я, конечно, ведьмочка молодая, но никогда о таком вот действии этого простейшего заклинания не слыхала.

– Вот! Видите, господин ректор, видите, ведьма... эээ адептка Маленская, – тотчас поправилась Вилка, – стоит, молчит да глазами стреляет. Ее это дело, ее! Да ведь она и сама сразу призналась, – Вилка посмотрела на меня вот прямо как на змею какую ползучую. А уж Тильда-то и совсем, взором ненавидящим окинула.

У меня даже руки опустились. И ведь понимаю, что не от заклинания моего с девушкой приключилась неприятность этакая. А все равно будто камень на сердце.

Стою, молчу. Жду, что ректор скажет.

Сандр Огненный посмотрел на меня, и сердце сразу ушло в пятки.

И хоть понимаю я, что тут что-то вот не то, не сходится все, а как доказать?

Заклинание сказала – сказала. Результат, правда, вышел совсем вот другой.

А раз сказала, то и ответственность моя.

Сандр Огненный посмотрел на подружек, на меня:

– Адептка Маленская, какое заклятье вы применили к адептке Калитой?

Вздохнула, глаза подняла:

– Спотыкаш называется.

Ректор нахмурился неодобрительно:

– А поподробнее если?

Я вздохнула еще раз:

– Так это... Это короткое название, полное очень длин-

ное. А так оно простенькое совсем. Мы, ведьмочки, сызмальства его знаем. Как проклянешь кого спотыкашем, так и спотыкается человек на ровном месте. Падает, значит.

Да только... – я посмотрела на ректора и руки даже к груди прижала, – не сработало оно, заклятье-то.

– Или ты падала, Тильда? – вдруг спросила я.

Девчонка сверкнула темными глазищами, вот в пол лица глаза-то у нее:

– Еще чего! И не ври тут, при господине ректоре. Ты наслала на меня дикую ветрянку, вот! А вовсе не этот твой спотыкаш.

– Видите, господин ректор, как меня всю изукрасило, – и из ее красивых глаз брызнули слезы.

– Все она, ведьма проклятая. Она все!

Сандр Огненный подобрался и спросил вдруг, этак по-доброму:

– А скажите мне, адептка Калитая, за что же вас прокляла адептка Маленская?

Тут опять выскочила вперед Вилка и скорее затараторила:

– Ни за что, вот ни за что, господин ректор! Мы просто проходили мимо, с Тильдушкой. А она вдруг выскочит из избушки той, полуразрушенной, и давай проклинять.

– Ведьма же, господин ректор! Натура у них такая, ведьминская. Только дай порчу навести да проклясть кого, – закончила Вилка и победно так на меня посмотрела.

Глава 25

Тут Сандр Огненный понизил голос и этак вкрадчиво говорит:

– А позвольте полюбопытствовать, адептки, что вы делали возле этой, как вы выразились, полуразрушенной избушки?

И голос-то его становился все выше и сильнее.

Вилка замерла с открытым ртом и попятилась. Я посмотрела на ректора и попятилась тоже. Глаза его, до сих пор, изумрудом сверкающие, прорезала яркая огненная вспышка. Светлая мать... Вот как сейчас начнет огнем-то кидаться или молнии пускать, тут всем нам и конец придет.

Дурацкая мысль-то. Он же ректор. Ректор! Значит, должен об адептах заботиться, а не огнем в них кидать.

Но вот в окне-то тогда я его видела, когда в кабинете Никос был.

Страшен ректор в гневе, ох и страшен.

Мы с королевешнами испуганно переглянулись. И тут я вконец струхнула. Если уж эти, королевешны, испугались, значит, есть чего бояться. Ой, есть...

Зажмурила я глаза на минутку целую, а когда открыла, Сандр Огненный уже пришел в себя. По крайней мере, огненный вихрь из его глаз уже не пытался вырваться. Затих, выходит.

– Так, адепки, – мрачно и ледяным прямо вот тоном сказал ректор.

– Вы нарушили одно из правил Академии. Напомнить, какое? – Сандр Огненный прищурился и стал выглядеть значительно старше. Морщинки прорезали его лоб. Да, непростое это дело, в Боевой академии ректором-то быть.

– Н-нет, господин ректор, – упавшим голосом одна за другой ответили местные королевишны.

– Нет? Помните, значит. Прошу вас произнести его вслух! – ректор зло выдохнул.

Вилка, а за ней и Тильда, громко и размеренно начали:

– Не выходить за пределы Академии, не приближаться к зоне бывшего ведьминского факультета.

Но вот Вилка, она Вилка и есть. Не удержалась:

– А почему, интересно, ей вот можно? – и сверкнула на меня глазами. И Никосу Ланьери можно.

– Потому, адептка тан Ржевски, что Никос Ланьери был отправлен туда мною, в качестве наказания, на трудотерапию. А что это означает?

Тильда упавшим голосом ответила:

– Значит, у него был допуск.

Вилка же упрямо поджала губы:

– А мне вот дядя говорил, что я могу ходить по всей Академии. И браслет у меня с допуском, вот!

Сандр Огненный прищурился:

– Да что вы говорите, адептка тан Ржевски. Прямо новость для меня. Пожалуй, сегодня же свяжусь с господином канцлером. Он очень меня просил докладывать ему о вашем поведении.

Вилка малость с лица спала и опустила глаза.

Но потом, я прямо вот зауважала ее, честное слово, выпрямилась, и холодным таким тоном заявила:

– Как вам будет угодно, господин ректор.

Сандр Огненный хмуро взглянул на нее и вздохнул:

– Идите, адептка тан Ржевски.

Вилка повернулась и, не глядя даже на Тильдушку, вышла за дверь. Тильдушка тоже попыталась тихой сапой выскользнуть за подружкой. Да не удалось.

– А вы куда, адептка Калитая? – Сандр Огненный в упор посмотрел на Тильду и та тотчас остановилась.

– Я... подумала, что тоже идти могу, – быстро она вывернулась, молодец.

А я и сама ведь тоже скорее повернулась, да на цыпочках стала подкрадываться, потихоньку, к двери-то.

– Да и вас, адептка Маленская, я еще не отпускал.

Ректор, конечно, мой маневр заметил. Я также опустила глаза и на цыпочках вернулась назад.

– Значит, заклинание спотыкаш, говорите, – ректор подошел поближе к Тильде и тут зрачки его стали совсем как точки, и забегали быстро-быстро. Ух ты... Это что же он делает-то? Сканирует. Точно, сканирует ауру-то Тильдушкину.

Вот что значит боевой маг! Оказывается, и это они умеют.

А я-то думала, что только ведьмочки так могут. Правда, у бабули вот никогда зрачки не бегали. Да и у меня тоже. Вот

он, разный подход, у магов и у ведьмочек.

Мне достаточно чуть прищуриться и посмотреть вот так, по особому.

– Итак, адептка Маленская, что вы видите в ауре адептки Калитой? – вдруг спросил меня ректор.

А я... ну, я даже растерялась. И поняла, что все это время смотрела вовсе не на Тильду, а на него.

Почувствовала, как яркий румянец залил все мое лицо и даже шею.

Ну что ж такое-то...

Я нахмурилась и заставила себя всмотреться в ауру девушки.

Ведьмочка я, в конец концов, или кто?

И неожиданно заметила, как в одном из этих радужных, прозрачных слоев будто точки да цветом ярким, красным показались.

Не должно такого-то быть. Я присмотрелась повнимательнее. Точки эти никуда не ушли. Интересно...

А ректор, он что же, тоже увидел?

Смущение мое как рукой сняло и я посмотрела Сандру Огненному прямо в лицо.

– Вижу точечные разрывы в третьем слое ауры, – доложила. Вот прямо как бабуля учила, точно и по существу.

Сандр Огненный одобритительно кивнул и задумчиво забарабанил пальцами по столу. Потом кивнул каким-то своим размышлениям и медленно сказал:

– Вот что, адептка Калитая. Сейчас мы с вами проведем небольшое исследование, так сказать. Проверим ваши знания в этом вопросе.

Тильдушка прям вся побелела и прошептала еле слышно:

– Господин ректор, неужели это и правда дикая ветрянка?

Тут я опять не выдержала:

– Никакая это не ветрянка! Да будь это настоящая дикая ветрянка и Вилка уже ходила бы изукрашенная вся. И не только она! И Ник, и Лаврик тоже.

Я повернулась к ректору:

– Дикая ветрянка очень заразная, господин ректор! Да может и мы бы с вами уже б заразились.

И вдруг неожиданно смутилась. Вот сказала так сказала. “Мы бы с вами”... Ну конечно. Показала ты себя, Ведяна, во всей красе. Да это ж всем ведьмочкам известно, что никакая заразная болезнь к огненным магам-то не пристанет. Уж больно аура у них сильная. Даже если какая и попытается просочиться, то сгорит ярким пламенем.

Вот тут-то Тильда не выдержала:

– А что, что тогда со мной? – и подскочила ко мне с перекосенным лицом.

Глава 26

Я шарахнулась в сторону. Что это с ней?! Да она никак ко мне с кулаками кинулась-то. Ой-ей... На ведьмочку, не инициированную?

Неожиданно передо мной возникла огненная стена. Вот откуда не возьмись возникла.

– Адептка Калитая! – раздался совершенно ледяной голос ректора.

– Вы будущий маг. Учитесь держать себя в руках! Или, может быть, вы хотите ходить изукрашенной таким вот образом до конца ваших дней или заработать что-нибудь похуже? – язвительно добавил Сандр Огненный.

Слова его на Тильдушку произвели прямо вот неизгладимое впечатление. Она остановилась и опустила кулаки. Сразу вот почти.

– Значит, это все-таки она меня прокляла, – Тильдушка посмотрела на меня зло и обреченно.

Вот что интересно-то. Стена была огненная, но совершенно прозрачная. Только время от времени по ней пробегали

синие, мгновенно исчезающие прожилки.

Да это ж молнии! Светлая ма-ать...

Я с ужасом покосилась на ректора. А ну как не удержит он их?

И тотчас себя обругала. Архимаг же. Ну как не удержит-то? Но страшно. Молнии пробегают зигзагами, исчезают, а потом опять появляются. И пахнет как летом после грозы.

Жуть как страшно.

– Вы пришли в себя, я вижу, адептка Калитая, – холодно сказал ректор и огненная стена тотчас исчезла.

– А по поводу вашего вопроса... Вы ведь уже на пятый курс перешли, я ничего не путаю?

Тильда кивнула.

– Странно. Мне казалось, что маг-теоретик к пятому курсу уже должен понимать, с чем он столкнулся. Или вы так плохо учились все четыре года, адептка Калитая?

Тильдушка заморгала и тут глаза ее увеличились чуть не в два раза.

– Эмм.. Ну, если не ведьма, я хотела сказать, не адептка Маленская меня прокляла, то...

Может быть, это остаточный фон так подействовал? – она выдохнула и уставилась на ректора.

Сандр Огненный довольно качнул головой.

– Выходит, что-то вы запомнили. А теперь скажите мне, адептка Калитая, какие действия нужно предпринять в таком случае?

Тильдушка нахмурилась и вдруг лицо ее озарилось пониманием:

– Нужно вернуться в то же самое место, и провести ритуал очистки. Вернее, попросить, – тут ее губы искривились, – чтобы ритуал провела адептка Маленская.

– Почему именно она? – с дотошностью спросил ректор и в упор посмотрел на Тильду.

А я так просто сама чуть рот не раскрыла. Надо же. Никогда бы не подумала, что в боевой Академии учат таким тонкостям. Ведь это ж не Ведьминская академия.

Я ошарашенно посмотрела на Сандра Огненного.

Ректор заметил мой взгляд и губы его дрогнули в чуть заметной улыбке.

– Может быть вы нам скажете, адептка Маленская?

Я сглотнула. Самой стыдно, что не догадалась-то. Вот только сейчас до меня дошло. По всему выходит, что фон остаточный, о котором сказал ректор, был. И был что в самом домике бабулином, что вокруг него. Значит, не меньше, чем двести метров в окружности. Но вот почему я сама-то не догадалась?

Обидно и стыдно до слез.

Нахмурилась, угрюмо посмотрела на ректора и ничего говорить не стала. Вот еще. Это Тильдушка у него адептка, настоящая, пусть она и отвечает. А я... Я вот послушаю.

Сандр Огненный поднял бровь и настаивать на моем ответе не стал.

Вот. Я тут не настоящая адептка, а так. В гостях, можно сказать.

– Ну хорошо. Послушаем ваш вариант, адептка Калитая.

Тильдушка вздохнула, кинула на меня неприязненный взгляд:

– Потому что, по видимому, остаточный фон наложился на заклятье, которое она вот сказала. Фон же такой бывает только в тех местах, где жили сильные ведьмы.

– И вы, адептка, прекрасно знали, что приближаться к местам, где такой фон есть, запрещено, – опять сказал ректор.

– И, значит... значит... Но ведь такой фон, защитный, он ведь только родную кровь признает! – блеснула познаниями Тильдушка.

Сандр Огненный поднял бровь:

– Отлично, адептка Калитая. Надеюсь, теперь вы точно знаете, почему в ближайшее время вам может помочь только Ведяна.

И когда ректор вот так сказал, “Ведяна”, и даже совсем не назвал меня “адепткой Маленской”, сердце забилось и щеки опять налились жаром. В его устах мое имя звучало так... я не знаю, как-то ласково и даже, ну, вот будто вокруг никого не было больше.

Ой, похоже, меня опять понесло не туда.

А Тильдушка хмуро кивнула головой и посмотрела на меня.

Ну, еще бы.

Ведь от меня и только от меня теперь зависело, будет ли она ходить вся в мелких красных пятнах, или вернет себе очень даже свежий цвет лица. Кожа-то у нее тоже ведь белая да нежная.

А я...

Я ведь могу и заартачусь.

Нечего было обзываться, вот.

Сандр Огненный внимательно так взглянул на Тильдушку, а потом – на меня.

– Обе свободны, адепки, – веско сказал ректор и глаза его блеснули. Но, слава Светлой матери, изумрудным огнем. Мы с Тильдушкой, не сговариваясь, ринулись к дверям.

Глава 27

Выскочили мы с Тильдушкой за дверь и та мгновенно захлопнулась. Вот чуть юбки мне не прищемила. Похоже, довели мы сегодня ректора. Сначала Никос, принц этот, который что-то там сделал недозволенное, потом вот я учудила. Честно, сейчас мне стыдно было.

Вот как, как я могла не почувствовать тот “остаточный фон”, как его назвал-то ректор.

Это по их, по-магически оно так называется. По нашему-то, по ведьмински, зовется просто “дымок”. Когда ведьма покидает свой домик, насиженное место свое, то от нее остается отголосок ауры. Ведь мы, ведьмочки, живем в согласии с миром вокруг. И мир нас принимает, заключает в объятия. И растения, и животные и воздушные элементали, особенно земляные-то.

Это ну, как память. Память о той, что здесь жила и любила. Любила все вокруг.

А когда вот так случается, как со мной, что неожиданно-негаданно попала в этот домик, где бабуля жила, то он, фон этот, память-то, проснулась.

Пробудилась, потому что кровь и правда не водица. Я са-

ма, выходит, и пробудила его, фон-то.

Но не сразу, а когда Тильдушка меня обозвала, да я шибко рассердилась, вот тогда все и случилось-то.

Это как защита сработала, отсроченная. Вот недаром у них тут в Академии правила эти. Толковые очень. Похоже, очень уж хорошо ректор разбирается в ведьмовстве-то.

Интересно, откуда?

Впрочем, если бабуля тут преподавала... Ну, нет. Ведь тогда его еще и на свете не было.

Наверное, в книгах родовых записи сохранились. Точно. Откуда же еще?

Тильдушка вырвалась вперед, и скорее вниз по лестнице, только пятки засверкали.

И я понимаю, почему она так спешит. Уж очень ей не хочется меня просить-то. Это ж прощения просить придется, у ведьмочки.

А ведь иначе никак. Не получится ритуал провести, если не попросит.

И ведь знает она это. Прямо жалко мне ее стало. Мне и самой-то прощения просить было непросто, даже у родной

бабули.

Я вздохнула и даже вот не знаю почему, вдруг подняла голову. Как почувствовала чей-то взгляд. Ой-й... Чего себя то обманывать. Сразу я поняла, чей это взгляд-то.

И точно.

В окне ректорского кабинет качнулась занавеска и ощущение этого взгляда ушло.

Ректор... Сердце на мгновение остановилось, а потом застучало сильно-сильно и кровь опять бросилась в лицо.

Ну почему этот Сандр Огненный, которому почти сорок лет, вы только подумайте, так на меня действует-то?

Да на меня Никос, принц-то, так не подействовал. А уж он красавчик, каких поискать.

Вон, Тильда-то за ним туда ринулась, к избе-то. Нарушила правила, не побоялась.

Бегает за принцем, выходит? Оно понятно, сердцу не прикажешь и все такое, но бегать за парнем-то...

Не, не по мне это.

Тильда, которая вырвалась вперед, нехотя замедлила шаг. Ага, значит, все-таки решила долго не тянуть с извинениями?

И точно, вот как угадала я.

Остановилась королевишна, вот как раз на развилке и остановилась.

Одна дорожка, выметенная да вычищенная, вела, видно, в общежитие адептов.

Другая-то, красного кирпича, кое-где заросшая травой, вела к бывшему бабулиному домику.

Остановилась, и меня ждет. А я что? Подошла, да и потихоньку обошла ее. Ну, не буду ж навязываться. Пусть первая скажет. А то как обзывать, так сразу.

– Эй, ведьма, – нехотя, выдавливая из себя слово за словом, сказала Тильдушка.

– Не ведьма, а Ведяна! – сказала я громко и отчетливо. Пусть запомнит, ага. А то мне здесь до осени жить. И жить хочется хорошо. Спокойно жить хочется. Вот пусть учится обращаться с ведьмочкой правильно. А то видишь, и грамотная она, и, оказывается про остаточный фон знает, а туда же.

Потащи́лась к домику. Рискóвая девчóнка, хóть и маг-теоретик. Я покóсилась на Тильдушку.

Нахмурилась королевишна, но деваться-то некуда. Не хочется такой красавишной в Академии ходить. Светить пятнистым личиком перед Никосом-то.

– Ну, Ведяна, – процедила сквозь зубы. Что ж. Лиха беда начало.

– Чего сказать хотела, Тильдушка? – прищурилась я.

Чутка перекосилось лицо королевишны:

– Дойдем до дома твоего, скажу.

Я кивнула. Видно, неплохой она будет маг-теоретик. Смекнула, что толку от извинений сейчас будет немного. А вот на нашей, ведьмовской-то территории, вот там – другое дело. Там заклятье спадет. Должно.

Даже улыбнулась я:

– Тогда поспешай за мной.

Конечно, по дорожке пошла я первая. Так, на всякий случай. Мало ли, ведь сколько лет прошло. Проснувшаяся память, “дымок-то”, спала долгонько, как бы чего не начудила. А кому разбираться? Правильно, мне.

Тильдушка шла быстро, но вперед не вырывалась. Хватило ей. Понятливая.

Трава между красными кирпичами становилась все гуще. А значит, скоро мы и к домику подойдем. И вот как-то сра-

зу на душе стало легче. Будто все вокруг стремилось меня обнять. Нежные травинки ласково льнули к ногам. Ветерок легко касался разгоряченных щек. В воздухе неожиданно запахло нагретой на солнце сосновой смолой и мелиссой. Знакомый запах такой. Будто к дому я подхожу, тому, которого уж и нету. Один пепел остался. Да и тот селяне развеяли над посевами.

Наконец дорожка завернула и передо мной показался старый покосившийся на одну сторону домик. Погодите-ка...

Я глубоко вздохнула и попятилась. Наткнулась на Тильду и мы обе чуть не свалились.

– Осторожней ты, ведьм... Ведяна, – ох и молодец Тильдушка, спохватилась-то как вовремя.

– Куда тебя несет? Чуть с ног не сбила, – она недовольно посмотрела на меня.

– Костюм из-за тебя помяла!

А мне вот сейчас было не до костюма ее. Да и не до Тильдушки совсем.

Потому что передо мной не было старого, покосившегося на одну сторону домика.

Я закрыла глаза и потрясла головой. Знаю, бывают такие остаточные фоны, память старая, то бишь, что рисуют перед тобой картины былого-го.

Вот как живые, те картины.

Проекции, если на магическом языке.

А как глаза закроешь, да потрясеешь головой как следует, а потом откроешь – и нет их, проекций этих, иллюзий-то. Развеются как дым под легким летним ветерком.

Открыла глаза.

И не поверила им. Вот ну ни на минуточку не поверила.

Потому что передо мной вместо развалюхи стояла добротная, будто только что срубленная, изба. Покрытая свежей дранкой крыша золотилась на солнце.

Стекла во всех окошках были на месте и сверкали чистотой. И на них, на окошках-то, появились занавесочки. Белые такие, в голубых васильках.

Светлая мать...

– Тильда, – позвала я. – Скажи, что ты видишь?

Я повернулась к королевишне, которая с недовольным видом отряхивала свой форменный костюмчик от приставшей травы. Юбочка в складку и правда чуток помялась, да и к рукаву пиджака прицепилась легкая паутинка.

– Тебя вижу, – недовольно отозвалась Тильдушка.

– А кроме меня? Что ты видишь там, впереди? – я затаила дыхание.

Глава 28

– Да что там может быть, кроме развалюхи этой, – брезгливо поджала губки Тильда и нехотя подняла глаза от рукава, с которого пыталась снять паутинку.

– Мамочки... – девушка ахнула и сделала невольный шаг вперед. В меня чуть не воткнулась. Хорошо, что я-то уже готова была. В сторонку сдвинулась. Что ж это получается? Тильдушка тоже увидела, как домик изменился. Не показалось мне, и никакие это не шутки “дымка”.

– Видишь, значит, дом-то? – уточнила я на всякий случай.

Тильда ошарашенно смотрела вперед и кивнула головой. Потом перевела взгляд на меня:

– Эт-то... Это что, ваше волшебство так работает, ведьминское? – и глаза ее засверкали. Маг-теоретик она точно призванию. Вот как оживела и даже не смотрит больше на рукав-то свой и помятую юбку.

А я не знаю, что и сказать. Ведьмочка я молодая, конечно. Дожила до восемнадцати лет, а вот о таком ведьминском волшебстве и не слыхала никогда.

Пожала плечами и медленно, шаг за шагом, стала подходить к домику. Тильдушка за мной. И хоть чувствовала я, как ей хочется выбежать вперед, да ума королевишне хватило не высовываться.

Шаг в шаг старалась за мной идти. Ровно как я, когда только что попала в Академию Боевую-то, и шла шаг в шаг за дядькой Симеоном.

– Слышь, Тильда. А почему все зовут дядьку Симеона магистром? Что он у вас ведет, в Академии-то? – задала я давно мучивший меня вопрос.

– Спецкурс по анимагии, – возбужденно ответила Тильдушка и прибавила было шагу. Но я тут же ее за рукавхватила:

– Не спеши. Постой-ка немножко.

А сама подошла к крылечку поближе да и поклонилась в пояс, прежде чем подняться-то. Сзади послышался смешок. Тильдушка не выдержала. Да, трудно магу, пусть и теоретик, понять нас, ведьмочек.

Тут не понимать надо, а чувствовать. Я ведь почему поклонилась? Вы думаете, привычка у меня такая, что ли?

Нет, такой привычки.

А вот... вот сразу поняла, что сделать нужно. Сердце дрогнуло и мысли из головы убежали. Поклонилась, и все.

И тотчас почувствовала где-то там, далеко, в глубине, что все правильно сделала.

Ведь пробудившаяся память, считай, дух дома, это совсем не шутки. Своенравные они существа-то. Меня признал, конечно. Как не признать родную бабулину кровь. Но вот уважения они требуют. Ну, а мне ведь нетрудно совсем.

Но сердце и у меня забилося сильно-сильно. Наверное, как сейчас у замершей сзади Тильдушки.

Потому что я сразу вспомнила, что в домике-то Лаврик оставался.

Ой-й..

Я подхватила юбки и ринулась в избу. Дверь передо мной тотчас открылась и даже ни разу не скрипнула. Новенькая, из дуба мореного, не иначе. Тяжелая и надежная. Я заскочила в сени, которых было и не узнать. Увидела новенькую длинная лавку вдоль стены, а над ней появились крючки для верхней одежды. На полу лежали цветные домотканые половички.

Ну вот совсем как дома.

И хоть душа-то моя болела за парнишку, а все ведь заметить я успела.

Мы, ведьмочки, очень внимательные и память у нас хорошая. Иначе никак, с травками, зельями да настоями дело имеем.

И тут вдруг слышу знакомый такой говорок, от которого чуть не села с размаху на новенькую лавку-то.

– Не-ет, Лаврик-к. Этот горшочек мо-ой, мрр, – и чье-то довольное чавканье.

Это что же такое детсяя-то, а? Мой Рыська разговаривает с посторонним...

Я отказывалась в это верить. Вот совершенно. Потому как для любой ведьмочки это дело немыслимое. Невозможное это дело, чтобы твой фамильяр показался постороннему-то. А уж чтоб и говорить с ним стал...

Нет, у меня все-таки видения. Как их, галлюцинации. И слуховые тоже. “Дымок” это, точно, “дымок” чудит. Но какой он силы-то... Я опять зажмурила глаза и потрясла головой. Вот изо всех сил своих потрясла. Мало ли, что и Тильдушка дом увидела. “Дымок” запросто мог ее тоже заморочить, раз уж и меня заморочил. Ведьмочку-то наследственную.

Страшновато было открывать глаза, но я их открыла. А

морок-то никуда не делся!

Сверкает свежим лаком лавка, радуют глаз яркие домо-
тканые половички под ногами.

Я нахмурилась и решительно подошла к двери в комнату,
откуда до сих пор слышалось довольное чавканье.

Протянула руку и не успела коснуться начищенной латун-
ной ручки в виде лапы, которую обвивала змея, как дверь
открылась сама.

Признает хозяйку домик-то, “дымок” тут или нет, а при-
знает.

Вошла я в комнату и обмерла. Печка, печка-матушка сто-
яла вся белая-белая, будто только ее сложили да побели-
ли. Даже запах побелки еще чувствовался. Это как же пони-
мать-то?

В печке, как ему и положено, как я его и оставляла, стоял
мой котелок.

Да только тоже сиял, как начищенный. И это еще ничего.

Но в комнате пахло вкуснющей похлебкой из белых гри-
бов с поджаренным на шкварках лучком, какую только бабу-
ля моя делать умела. А еще пахло в ней пирожками с ябло-
ками и корицей. И хоть не время сейчас было для яблок-то,
но пахло именно ими.

Ошибиться я не могла. Ведь с раннего детства этот запах

был мне знаком.

В желудке сразу заурчало. Обед-то давно был. Я сглотнула слюнки и повернулась к столу. Запах шел оттуда.

И тут мои глаза почти вылезли из орбит. Руки непроизвольно сжались в кулаки, а сердце застучало как сумасшедшее.

В центре живота, вот прямо под ложечкой, стало горячо-горячо.

Светлая мать... Что же это творится-то?

Мои глаза отказывались верить происходящему. Но вот списать то, что я сейчас видела, на действие “дымка” у меня теперь никак не получалось.

Потому что мой вреднючий фамильяр, Рыська, никакому такому действию подвержен не был. Сумрачная рысь, что вы хотите. Им никакие “дымки” не страшны.

А уж если я вижу его, нагло развалившегося на опять-таки новенькой лавке у стола и держащего в лапах горшочек, значит, все происходит на самом деле.

И это бы еще ничего...

Но напротив него, влюбленно тараша на моего – моего! – фамильяра большущие серые глаза, сидел Лаврик.

В руке он держал надкусанный пирожок, а перед ним стояла большая чашка с фирменным знаком Боевой Академии.

Из чашки поднимался парок, пахнувший мелиссой и

немного чабрецом.

Глава 29

– И как же это прикажешь понимать, Рыська?! – я ахнула и подбоченилась. Ушки у моего фамильяра припали было к голове, а глазки, оранжевые вот прямо бесстыжие глазки, забегали.

Понимает, что я в гневе.

У Лаврика из руки выпал недоеденный пирожок и яблочная начинка упала прямо на свежий половичок.

А побледнел-то он как. Да ладно Лаврик. Лаврик-то что? А вот Рыська у меня получит! Получит, бесстыжие его глаза, по первое число. Что удумал! Посторонним показываться решил. И это в солидном-то возрасте. Ведь ему уже за полтора. Давно вышел из подростков. Что это на него нашло?

– Так это, я пойду... Присмотрел тут, Ведяночка. За домом присмотрел. И ты не думай, все мы с Рыской прибрали, – Лаврик вскочил и стал пробираться к выходу. И так мне смотреть на него прямо жалко стало. Худенький, бледненький, и силы-то я в нем никакой не чувствовала. А вишь-ты...

Неожиданно за окном раздался сдавленный крик.

Да у меня ж там Тильдушка ведь осталась!

– Стой здесь и никуда не уходи, – скомандовала я Лаврику.

На Рыську только строго поглядела. Ну, ему хватило. Мигом пропал и только котелок жалобно тренькнул. Еще бы ему не тренькнуть, ведь этот прожора и горшок с собой уволок.

Надо же, про Тильду меня забыть угораздило. Но кричит-то она чего?

Вылетела я из дверей и все сразу поняла. Ну, конечно. Сказала ж ей, магичке этой, стоять. Так нет. Любопытство, говаривала бабуля, и кошку сгубило. Смотрю, стоит моя Тильдушка, вся с ног до головы в паутине и только мычит. Не крик то был, а ровно одно мычание-то.

Вот оно что...

Выходит, не пустил ее дух-то хранитель к дому. И стоит она, с места сойти не может, только глазами сверкает.

– Ну и куда ж ты пошла, Тильдушка? Сказала же, не спеши, – только вздохнула я.

А сама-то и не знаю, что делать. Как ее освободить от этой паутины?

Ладно. Сначала с тем проклятием разберемся. А то прыщики вроде больше стали, да и щеки распухли. Вон, глаза-то совсем уже как щелочки.

– Так слушаю я тебя, – быстро сказала. Тянуть уж некуда. Вон, проклятье силу набирать стало. Сама-то я уже давно на нее не злюсь. На Рыську вот злюсь, ага.

Но с ним я позже поговорю.

– Ну, давай, говори формулу-то нужную, – поторопила я королевишну. Мне же еще и с Лавриком разбираться.

А эта магичка только глазами хлопает. Вот, интересно, неужели не знает? Иль не учили их? Нет, как обзываться, так и учить никого не надо.

А как наоборот...

Я вздохнула:

– Тогда за мной повторяй, да поскорее. Прямо вот очень тебя прошу!

– Да знаю я, – зыркнула королевишна и на одном дыхании выпалила:

– На земле этой, земле рода твоего, прощенья прошу у тебя, – и замерла.

Я тоже. Стоим, ждем, когда паутина спадет да прыщики сойдут.

Ан нет.

Ничего не происходит.

Светлая мать... Да что со мной-то! Ладно, Тильдушка. А я-то... Забыла ведь самое важное:

– Тильда, давай еще раз. И не забудь произнести свое имя. И мое! – королевишна глазами захлопала и прищурилась. Вспомнила, тоже.

И быстренько так, подгонять даже не пришлось, затараторила:

– На земле этой, земле рода твоего, я, Тильда Калитая, прощенья прошу у тебя, Ведяна Маленская.

Я согласно кивнула:

– Я, Ведяна Маленская, на земле рода своего, прощаю тебя, Тильда Калитая.

Уфф... Вроде, получилось. Прыщики стали светлеть, а паутина сначала побледнела, а потом и вовсе прямо в воздухе растворилась.

Тильдушка скорее ощупала лицо свое и чуть в ладоши не захлопала. Еще бы. Вот теперь можно и принцу на глаза попадаться.

А хорошо они так рядом смотрелись бы. Никос высокий, красивый да волос белый.

И Тильдушка. Волос темный, худенькая да прямая как тростиночка.

Королевишна радостно опустила руки и во все глаза уставилась на домик.

Я усмехнулась:

– В гости зайти хочешь, Тильда Калитая?

Ведь вижу – глаза у магички горят, до чего ж ей хочется избу поглядеть. Волшебству ведьминскому прикоснуться. А мне и самой ох до чего хочется и по комнаткам пройтись, и вокруг домика.

– Вот еще, – фыркнула королевишна, но шаг вперед сделала.

Попыталась сделать. Потому что ничего у нее не получилось.

Вроде и шагает, да на одном месте остается. Интересная тут у бабули защита стояла. От любопытных адептов, не иначе. А уж если она на огородике выращивала редкие растения, то по другому и нельзя.

А может, эта защита только от магов помогает? Ведьмочки-то, адепки факультета Ведьминского, наверняка свободно проходили.

Нахмурилась Тильдушка и опять неприязненно на меня посмотрела. Вот это она зря. Защита как почувствовала и легонько так, но оттолкнула королевишну.

Ох, до чего же штука-то полезная... Интересно, почему она только сейчас заработала. Не понимаю я ничего.

– Ну, тогда до свиданьица, – я кивнула, а Тильдушка, после такого-то приема, скорее развернулась да и была такова.

Ну, слава Светлой матери. С одной разобрались. А теперь скорее в избу, до жути же интересно все рассмотреть да разобраться, что же все таки с ней случилось.

А еще страшно кушать хочется, после таких-то запахов!

Давно уж время обеда. И вот интересно мне, откуда же взялась вся эта еда?

Глава 30

Я посмотрела вслед Тильдушке, юбка которой мелькнула за поворотом. Да, красивая тут в Академии форма. Непривычная, конечно. Вот такие юбки в складочку мне нашивать еще не приходилось. И длина-то ведь какая! Лодыжки даже видны. Ну, слава Светлой матери, мне такое надевать и не придется.

Ничего.

Сегодня вечером свое все в порядок приведу, а там с утра прямо вот к ректору отправлюсь.

А что?

Буду требовать, чтобы мой сундук сюда доставили.

Сколько можно в одном и том же ходить-то?

Решительно кивнула и поспешила в дом. Рыська все так же чинно сидел за столом, а вот Лаврик, вмиг опять побледневший, стоило только ему меня увидеть, вскочил и по стеночке, по стеночке, стал пробираться к выходу.

Конечно, я опять завелась. Еще бы. Хуже голодной ведьмочки может быть только недовольная ведьмочка.

– И как это все называется?! – мои глаза метали молнии. Рыська прижал ушки и закрыл глаза. Но меня этим вот всем было уже не пронять.

– Нечего глаза-то закатывать, вредина великовозрастная! Ишь, что творить стал, ведьмочки своей не спросивши.

Нет, ну правда. На Лаврика я и смотреть не хотела. Надо же. Худенький да бледненький, а туда же, к чужим фамильярам подход нашел.

– Ведя-ан, – промурчал вдруг Рыська, да этак ласково. Подлизывается, значит.

– На-ко вот, лучше съешь пирожок. С яблоками и корицей, между прочим. И пододвинул мне поближе тарелочку, на которой лежал одинокий, но такой ароматный пирожок. Корочка аппетитно поблескивала. Не пожалел маслица неведомый пекарь-то.

Всё, как я люблю.

Вдохнула, да и потянулась к пирожку. Тесто таяло во рту, а начинка была вот точь в точь, как у бабули.

Вот как такое может быть? Я задумчиво жевала пирожок и поглядела-таки на Лаврика.

Парнишка тотчас замер.

— Да ешь ты свой пирожок, Лаврик, – вдохнула я, оторвавшись наконец от куснятины.

Вот тоже на мою-то голову парнишка. Прямо чувствую, что с тем Лавриком все непросто.

– А в печке, Ведяночка, – прикрыл глазки Рыська, – глянька, горшочек стоит. О тебе, о ведьмочке своей, между прочим, позаботился. От сердца, можно сказать, оторвал. Мрр.

Я посмотрела на своего фамильяра:

– Неужели картошечка с белыми грибами? – прямо вот вырвалось у меня. Запах-то тушеных грибов все еще витал в воздухе.

– Откуда, Рыська? – строго спросила я. А то знаю я его. Эх, фамильяр у меня, конечно, редкий. Но иной раз может залезть и в чужой пространственный карман-то. Оно, конечно, поди потом найди кто был и кто взял. Только не дело это. Чужое-то на пользу не пойдет. Мне ли, ведьмочке, этого не знать. Аура будет чужая. Чисти ее потом, разбирайся. Не, нам чужого не надо.

– Так ведь неужто, Ведянка, ты не почувствовала, не узнала? – усы у Рыськи встопорщились и он обиженно на меня уставился.

Я прищурилась.

Запах был знакомый, такой знакомый и родной. Да только откуда тут бабулиной готовке взяться-то?

Опять “дымок”? Иллюзии?

– Да сразу уж говори, – вздохнула я. – Вот все тебе тайны-то разводить.

– Так угощение это. Угощение! – Рыська поднял лапу и поднял коготь вверх.

– Дядька Силай угощает, – добавил фамильяр и отставил в сторону вылизанный до первоизданной чистоты горшочек.

Сразу видно, что в его горшочке было или рагу мясное, или бефстроганов какой. Картошечку-то с грибами Рыська не больно жаловал, с голодухи только если. От сердца оторвал он.

Я подняла бровь.

Знакомое имя-то. Так ведь это ж домовой, который всей столовой заведует в Академии! Ну да. Так его называл дядька Симеон.

Только я хорошо помню, как дверь-то хлопнула, нас подгоняя из столовой той.

С чего бы ему вдруг меня угощать? Да и Рыську...

– С чего бы? – я вот с подозрением посмотрела на своего фамильяра. Домовые не больно охочи угощать чужих-то. Да что там, я и не слыхала о таком. Вот своих – это да, это милое дело.

Рыська провел лапой по тотчас победно устремившимся ввысь усам:

– Эх, Ведянка... Ну что ты у меня за ведьмочка-то такая? Известное дело, с чего. Иль ты не видишь, что с избой-то стало?

– Вижу я все! – прям вот обиделась, честное слово. – Дух дома проснулся. Родную кровь признал да и сделал так, как при бабуле было.

– Во-от! – Рыська наставительно мяукнул и погладил

округлившийся животик.

– А раз признал, то и дядьке Силаю деваться некуда. Кто, как не он, тут в свое время за хозяина-то был? У бабули твоей.

Вот тут я и рот чуть не открыла. Нет, все-таки мне еще учиться и учиться. Ну конечно! Если этот Силай был тут при бабуле и домик меня признал, то куда домовому деваться?

Я посмотрела на печку. Беленькая, вся как новенькая, и в ней точно горшочек стоит. Котелок-то мой в глубине, подале. А перед ним глиняный горшочек с чуть закопченной крышкой.

Вкусный был пирожок. Но его явно мало. Я решительно подошла к печке и потянулась за горшочком.

– Ой! – и чуть не села на пол.

Потому что горшочек вдруг подпрыгнул и бодренько так подлетел к столу.

– А нечая самой руки-то пачкать, – послышался брюзгливый голос. – Садись за стол да отобедай как полагается.

Чьи-то невидимые руки сняли крышечку и я, благодарно кивнув, села на лавку. Тут же рядом с горшочком оказалась чисто вымытая ложка с вензелем Академии.

У стенки тихо ахнул Лаврик, про которого я чуть не забыла-то.

Вот что делает с голодной ведьмочкой неожиданно появившаяся еда.

– Дядька Силай, а дядька Силай, – протянула я. – А еще одного горшочка у вас не найдется? Тут вон парнишка голодный тоже.

– Эх, адепты... Не напасешься на вас, – буркнул недовольно невидимый хозяин кухни всея Академии.

И на столе появился еще один горшочек, а рядом с ним звякнула ложка.

– Благодарствуйте, дядька Силай, – сказала я.

– Садись, Лаврик. Одним пирожком, чай, сыт не будешь.

– А как доешь, так и начинай рассказывать.

Глава 31

Лаврик нахмурился и взглянул на меня из-под насупленных бровей. Вздохнул, но за ложку-то сразу схватился. Еще бы. Голод не тетка, а он худенький такой. Кожа да кости. И куда только вся еда девается? В рост, видать, идет. Так-то у них, в Академии, кормят хорошо.

Я повела носом. Точно, у меня мои любимые тушеные грибы с картошечкой, а парнишке-то дядька Силай гуляш мясной подал.

Принялся мой Лаврик наворачивать гуляш, да за пару минут очистил горшочек до дна. Я только головой покачала. Точно, все в рост. Да и источник магический своего требует, не отнять.

Интересно мне стало, что за магия у парнишки. Вскользь глянула еще раз на ауру. Одно поняла, что не маг огня он.

Что ж тогда делает в Боевой Академии-то?

– Спасибо, дядька Силай, – Лаврик даже ложку облизал и в горшочек положил. Дядька Силай, который так и не соизволил показаться на глаза, одобрительно крякнул.

Любил он, вот прямо как моя бабуля, когда тарелки пустые оставались.

А Лаврик опять вздохнул и посмотрел на меня своими большими серыми глазами.

Вот вижу, что ничего он рассказывать не хочет, но куда деваться?

Я ж не отстану. Ведь это первый на моей памяти случай, когда чужой человек смог увидеть сумрачную рысь.

Взглянул парнишка исподлобья и нехотя начал:

– Чего рассказывать-то... Ну, я это, родителей своих не помню.

Я села поудобнее и посмаковала последний, самый вкусный грибок. Белые грибы моя слабость, ага. Вот как. Родителей он своих не помнит... Похожи мы с ним. Я вздохнула и перекинула косу за спину. Ложку-то отложила и даже не заметила, как и горшочек, и ложка исчезли.

– Ну, тут рядом вот, с самой Академией, старик один жил. Я у него и рос, – продолжил Лаврик и тут браслет на его руке залило яркое сияние.

Парнишка вскочил как ужаленный и с явным облегчением крикнул:

– Ректор вызывает! – и был таков.

Я с досады даже ногой топнула. Да как же так-то! Вот не люблю, когда только начнешь слушать да переживать, и на тебе.

Ректор его вызывает. И тут мое сердце вдруг забилося. Светлая мать... Ну что ж такое со мной. Вот что значит ведь-

мочка я молодая, не инициированная. От одного упоминания о ректоре в жар кинуло. Ох, не о том думаешь Ведяночка, не о том.

Даже разозлилась. Дел у самой по горло, а в голове опять ректор поселился. Ну уж нет. Пора с новым хозяйством разобратся, а не это вот все, дела-то сердечные.

Пойду домик хорошенько рассмотрю. И да, на огородик обязательно нужно сбегать. Но пока с фамилярмом своим поговорю. Строго, причем.

– Рыська! – сказала я. – А ты мне ничего сказать не хочешь?

Фамиляр неожиданно потянулся и зевнул. Да так, что сразу ясно стало – не хочет. И ведь не заставишь. Такой он у меня. А мне ж интересно прямо ужас как. И злость на него уже прошла. Ведь сытая ведьмочка это ж совсем другое дело! Покушала хорошо, прям тепло на сердце стало.

– Ры-ысь, – протянула я. – Мой ты фамиляр или где? Ведьмочка твоя просит, а ты...

Рыська приоткрыл правый глаз и нехотя ответил:

– Ну Ведя-ан... Будто сама не знаешь, что увидел он меня тогда, неужто не помнишь?

– Да помню я все. Но то тогда, и вроде обошлось. Подумал парнишка, что показалось ему. А сейчас-то что случилось?

Рыська приоткрыл второй глаз:

– Что-что... Опять увидел.

Я вот прямо подпрыгнула:

– Да как увидел, если ты у себя был, в подпространстве? И котелок ведь глубоко так стоял, в печи, – я расстроено махнула рукой.

– Это что же получается? Так тебя и любой увидеть может. Не дело это!

– Эх, Ведянка... – Рыська подобрал лапы и уселся на лавке, обвив себя пушистым хвостом, прямо вот как настоящий домашний кот.

– Слышал я, что анимаги могут нас видеть.

Я ахнула. Но потом затрясла головой:

– Ну нет, Рыська. Вон, Тильдушка сказала, что дядька Симеон у них анимагию преподает. Значит, и сам он анимаг. А тебя-то не увидел!

И я победно уставилась на своего фамильяра.

Рыська опять зевнул во всю пасть и прикрыл свои наглючие глаза.

Нет, что-то он точно знает. Но скрывает! От меня, родной ведьмочки, скрывает. Ну, ничего. Все тайное становится явным, как иной раз говаривала бабуля. Не хочет отвечать, не надо. Знаю я, у кого мне спросить-то. И пусть Лаврик унесся прямо как на пожар, но наша родовая ведьминская книга от меня никуда не денется.

Я прищурилась.

– А достань-ка мне, Рыська, книгу. Давненько я в нее не заглядывала.

Фамильяр мой хмыкнул только и ловко нырнул в котелок. Ну, конечно, в этой просьбе он никак не мог отказать мне.

Я же скорее руки протерла вышитым полотенцем, очень кстати оказавшемся на столе.

Потому что негоже книгу брать не протертыми руками. Пирожок-то ела ведь.

Книга наша родовая особа непростая. Ох и непростая.

Ведь может и в руки не дастся. А если настроение плохое, так и цапнуть может. Древняя она у нас и зубастая стала. Уж такая древняя, что не сразу и поймет, кто ее пытается открыть-то. За давностью лет память уже не та стала, а вот насчет зубастости так наоборот.

Злости поднакопила, бедолага. Еще бы. Да кому ж это понравится, лежать Светлая мать знает где, вдали от родных ведьмочек.

Одиночество-то никому впрок нейдет. Но что ж поделатъ. Ведьмы нашего рода могли ее хранить только там. Безопаснее так. И ведьмочкам, и особенно окружающим.

– Держи, Ведянка! – недовольно прошипел мгновенно возвратившийся Рыська и тяжелая книга брякнулась на стол.

Ну, отказать он мне не мог, принес. Но недовольства не скрывал. Беспокоится, значит.

Светлая мать, да книга никак еще темнее стала? Переплет почернел, а на обложке совсем ничего не видно. Только серебряные застёжки как-то подозрительно бодро блестят.

Я сглотнула. Стоит ли мне ее открывать? Эх, если бы рядом была госпожа Кряжская... Вот тогда я бы была куда спокойнее. Бабуля говорила, что ректор Ведьминской академии найдет подход к книге любого ведьминского рода.

Но ее рядом нету. А любопытство... Нет, я знаю, что одной Варваре даже чуть нос не оторвало, слишком уж она была любопытная.

Бабуля так говорила, еще в раннем детстве, когда я протягивала свои ручки к вместилищу знаний рода. Так бабуля называла ее, книгу-то нашу.

Но бабули рядом тоже нету.

Так что теперь, так и ходить в неведении?

Глава 32

Сердечко мое застучало было и замерло. Руки похолодели. Ну нет! Это что же, я родовой книги так боюсь? Вредная она, конечно. Но своих-то, надеюсь, не покусает. Или все таки цапнет...

Я решительно вздохнула и, закусив губу, коснулась ее грубой обложки.

Вот странно-то, книга никак не отреагировала.

Я прищурилась. Что это с ней? Ладно. Пойдем дальше. И я медленно потянулась к серебряным застежкам. Медленно-медленно, потому что не по наслышке знаю паршивый характер книги-то.

Поверхность под моими руками вдруг ошутимо нагрелась и неожиданно, вот прямо на самом запястье, засиял яркий алый свет.

Серебряные застежки тотчас щелкнули и угрожающе повернулись в мою сторону.

Ну, я-то ведьмочка хоть молоденькая, а обращению с древней врединой была научена с малолетства.

Резко отдернула пальцы, и застежки, зубастенькие такие, куда зубастее, чем в последний раз, когда мы эту книгу еще с бабулей открывали, разочарованно щелкнули.

Но разве ж она остановится? Нет, конечно. Мне пришлось

выслушать целый ряд нравоучений. Вот честное слово, понимаю теперь, откуда ноги-то растут. Многих из бабулиных выражений наслушалась.

– До чего докатился род Малевских! – со скрежетом и завыванием начала книга.

– Нет, это же просто наглость. Это кто ж у нас такая умная-то?

Вредина не поленилась вытаращить на меня единственный глаз, который обычно прятала. Ну, так себе зрелище. Зрачок черный-черный, а белки уж желтоваты. Возраст, что и говорить. Книга считала себя особью женского рода, и очень заботилась о собственном внешнем виде.

Раз как-то в зеркале отразился глаз ее, так с тех пор она его обычно прячет. Ну, понятно. Тоже хочется выглядеть помоложе да посимпатичнее. И правда. Без глаза-то она ей огого. Особенно, если обложку протереть с яблочным уксусом. Бабуля как-то протирала, так книга под ее руками чуть не мурлыкала, прямо вот как мой Рыська.

Да чего уж там. Бабулю она, на моей памяти, ни разу не попыталась прихватить острыми зубками за щелок.

– Никак Ведянка? – глаз увеличился в размерах и зрачок замер напротив меня.

– Точно, Ведянка, – с удовлетворением проскрипела книга, а подумала, что ее после уксуса хорошо бы маслицем про-

мазать. Пройтись по обложке, по переплету. Я покосилась на серебряные защелки. Нет, они и так вон как сияют. Стало быть, готова к бою старушка.

– Я это, книжечка, – смиренно ответила. Ну, постаралась. Как уж получилось, не мне судить. Обычно получалось плохо. Нету во мне смирения-то. Вот ни на грош нету.

Но в этот раз вроде неплохо получилось. Потому как книга захекала и застежки малость потускнели. Ну, слава Светлой матери.

– А что же ты, Ведянка, ко мне с чужим серебром-то полезла? – вдруг сварливо спросила никак не унимавшаяся вредина. Вот точно, чувствую, уважения требует. Всяческого причем. Намекает на яблочный уксус и маслице. А где ей тут все это возьму-то?

– Да с каким таким серебром, книга? – я удивленно переспросила.

– Да вот с тем самым, которое у тебя на запястье. Было, – с поганеньким смешком закончила вредина.

– Светлая ма-ать... – я ахнула и скорее посмотрела на свое запястье. А ведь точно! Права книга-то. Было у меня на запястье серебро.

Ведь мне же ректор выдал браслет, взамен того, временного. Серебряный браслет. Был. Потому как сейчас на запястье не было ничего, кроме едва заметной темной полос-

ки. Вот же ж.

Сожрала и не подавилась, книжечка ведьминская. Забыла, забыла я совсем про эту ее особенность. Любит серебро и тащит отовсюда, как не в себя.

Я ведь еще подумала, чего так ярко она засияла. А то во-все и не книжка была. Вызов, Светлая мать... Да точно такой же, как у Лаврика, вызов.

Нет, ну как же я сразу-то не сообразила? Я расстроено посмотрела на свое запястье и оставшуюся от браслета темную полоску. Выходит, в тот самый момент, когда я приближалась к застежкам, меня и вызвали...

А я-то подумала, что вредина мне тут спецэффекты показывает, иллюзии всякие.

И внимания особо не обратила. С детства сыта ее фокусами.

И что теперь делать-то? Куда бежать? Ведь не знаю, ректор ли меня вызывал или кто другой.

А если и правда ректор, а я не явилась? Я похолодела. Ведь я ж тут без году неделя, но понимаю, что Лаврик-то не зря бегом бежит, когда вызов приходит.

Ох ты...

– Рыська-а... – прошептала я. Да так видно прошептала, что фамильяр мой сразу рядом нарисовался. Вот чувствует,

когда и правда сильно нужен.

– Отнеси книгу назад, Рысенька. Сейчас совсем не до нее, – горестно сказала я. Вот вмиг вылетело у меня из головы всякое любопытство.

– Видишь, что сделала прожора древняя? – я показала свое запястье.

– Нету у меня теперь браслета постоянного-то. А вызов был. Так что...

Я вздохнула:

– Сиди тихо, Рыська. Охраняй избу. А я к ректору побегала.

– Что я слышу? – обиженно заголосила древнее вместилище знаний. – Опять на хранение?! Да за кого вы меня принимаете, – начала было высказываться книга, но с Рыской это вот все бесполезное дело.

Вмиг схватил и отправил порталом на законное место.

А я...

Светлая мать, ну вот не хочу я к ректору-то. Совсем не хочу. Опять в этих юбках и кофточке? Перед таким мужчиной.

Стоп.

Что за мысли, Ведяна. И пусть. Пусть такая юбка и такая кофточка. Не хватало еще тут.

Уфф.

Вроде ушли эти мысли дурацкие.

Точно, ушли.

А вот сердце все равно заколотилось и чувствую, как щеки налились жаром.

С чего, Светлая мать? Вот с чего, а?

Я нахмурилась, окинула Рыську строгим взглядом и вылетела из домика как ошпаренная.

Зачем, вот зачем он меня вызывал-то? И как я ему скажу, что браслета больше нету.

Вдруг тут штраф какой полагается за утерю-то.

Вот это совсем плохо, совсем.

Чем платить стану, Светлая мать...

Глава 33

Я даже остановилась на минутку. И не то, чтобы у меня денег-то совсем не было. Были они. Лежали на особом счете банковском. Да не в простом банке, а том самом, где гномы заправляют. “Гномглавбанк” называется. Самый надежный, ну, да про это у нас все знают.

Бабуля еще когда его открыла, а сказала мне вот совсем недавно. Я-то думала, что мы с ней совсем бедные ведьмочки. А оказалось, что и накопления имеются.

Да только до тех денег мне далековато еще. Надо дождаться совершеннолетия, стало быть, через три года целых.

А до этого на что мне эти деньги и надобны-то были? В Академии-то ведьминской уже все про все оплачено заранее, и даже на каникулы карманные деньги выдавали. Таким вот ведьмочкам, как я, кто остались одни-одинешеньки.

Эх, бабулечка моя... Все-то ты предусмотрела, да только вот не то, что оказалась я в другом месте совсем.

Хоть и знаю, что тут, в Боевой-то академии, все на государственном обеспечении, но все одно немного боязно.

Как ни крути, я тут отдельно иду. Уж не знаю, может, за старые бабулины заслуги меня здесь приветили да приютили.

Но вот портить государственное имущество... У нас с

этим строго, ох и строго.

Ну, семь бед, один ответ.

Я пошла поскорее, да и не заметила, как добралась до ректорского дома.

Понятное дело, постаралась привести себя в порядок. Руки-то тряслись, едва косу переплела да юбки огладила. И тут почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд. Этот взгляд был как ожог. У меня внутри все сжалось и дыхание замерло. Я ведь сразу поняла, чей это взгляд.

Ну что ж. Ведьмочки не сдаются! Я не буду стоять тут и прятать глаза, как проштрафившийся Рыська. В конце-концов, я внучка Эржбеты Маленской, которую тут так хорошо знают. Куда лучше, чем, оказывается, знала я свою бабулю.

Я подняла глаза и посмотрела вверх. Ну конечно, я была права. Ректор, прищурив глаза, стоял у окна и смотрел на меня. Я не отвела взора, вот ни на минуточку. А Сандр Огненный приподнял бровь и чуть улыбнулся.

Светлая мать...

Ну зачем он это делает со мной. Да теперь мне его зеленющие глаза и эта улыбка будут ночью сниться! А может быть, я и совсем заснуть не смогу.

Ведь это маг легендарного рода Огненных! И его отец, а дед вот точно, знали мою бабулю. А...может быть, и маму

мою.

Все эти мысли промелькнули в одно мгновение. Ректор уже успел отойти от окна, а я все стояла и никак не могла себя заставить подняться по ступенькам.

Последняя мысль, про маму-то, совершенно нечаянно выскочила. Ведь я запретила себе думать про нее. Запретила с детства самого. Нету мамочки моей, нету. Не хочу про это думать.

Я прикусила нижнюю губу и заставила себя подойти к крыльцу.

Ну чего мне бояться-то?

Нечего мне бояться. Все плохое, что могло со мной случиться, уже случилось.

А теперь будет только хорошее.

Вон, и с Тильдушкой мы ничего так разошлись. Принц местный, Никос-то, сказал его Ником называть. Это ж хорошо, правда ведь? Вилка... Ну, с Вилкой мне точно делить нечего.

И вот тут вспомнила я ее полурасстегнутую блузочку, в которой Вилка к ректору заявила. Взгляды эти ее, реснички подрагивающие. Глазки в пол. Почувствовала, как в груди прямо огнем зажгло. Светлая мать...

Выходит, есть мне что с Вилкой делить-то.

Нет, ну это вовсе ни в какие ворота! Я же и думать себе

запретила об этом ректоре. Да и вообще. Староват он для меня. Прислушалась к себе. В груди вроде поутихло чуток.

Ну вот зачем я про Вилку вспомнила, зачем! И так страшно, хочу убежать от ректорского дома подальше...

Эх-х... Но ведь ведьмочки не сдаются, и потому я пошла дальше.

Заставила себя пойти. Потому что поняла, что вовсе не штраф меня так страшит, как встреча с ректором. Уж если у меня сердце застучало, стоило только увидеть его в окне, что ж дальше буду делать?

И самое плохое-то, что я такая белокожая, что жуть просто. Краснею так, что и шея пятнами идет.

Он же... Ну что он подумает обо мне? Да и...где я, молоденькая необученная толком ведьмочка, и он. Он! Ректор Боевой академии, магистр Огня, архимаг и наследник великого рода боевых магов Огненных. Тут и думать не о чем.

Я собрала все силы свои, приподняла юбки и ступила на ступеньку. Только собралась войти, дверь-то как меня ждала, уж местный домовый уже ее и открыл, так носом и уткнулась прямо в мраморный пол прихожей.

Глава 34

– Вот тебе, получай, ведьма! – за спиной раздался знакомый до боли голос. Да уж. Недаром говорят, что некоторых к ночи лучше не поминать. И хоть не ночь сейчас вовсе, а день только клонится к вечеру, да ершистая Вилка есть Вилка. Не к добру я ее вспомнила.

Нос болел, да и лбом я хорошо приложилась-то так.

Вот что значит нет рядом со мной котелка. Нет Рыськи, нет и защиты. И чего ж ей нужно, Вилке-то?

Ну, лежать носом вниз, да еще перед этой королевишной, я точно не буду.

Я подтянула юбки и собралась встать. А никак. Юбки-то будто приклеились к полу мраморному. Дернула посильнее. Никакого результату, только смех Вилкин за спиной стал еще ехидней.

– Что, не получается? – злорадно прошипела королевишна. Я повернула голову и увидела, что не одна она. Рядом стояла Тильдушка. Правда, смотрела она на меня без всякого злорадства, и даже с сочувствием. Гляди-ка. Выходит, не поддерживает Тильдушка подружку-то? Но и против ей сказать не смеет.

Ладно.

Но на душе все равно стало полегче. Ничего, вот сейчас

дерну посильнее юбки, и сразу на ноги вскочу. Что дело все в юбках, я уже поняла. Видно клей тут какой Вилка налила, прямо вот на ступеньку верхнюю, или магию применила.

Постойте-ка...

Как магию? Ведь ее за это накажут, да как следует. Это ж нарушение! Нарушение кодекса их, правил Боевой академии-то.

Посмотрела на Вилку, а глаза у той прямо вот как два ому-та темно-серых, и дышит она громко так.

Ох, неладно что-то с девонькой этой. Неладно совсем.

Лежу вот в проеме открытой двери, а в голове мысли сразу завертелись. И хоть я ведьмочка не сильно опытная, да жизнь с бабулей научила многому. Уж больно странно ведет себя Вилка. Как будто... как будто проклял ее кто.

Я перевернулась на спину и села, во все глаза на нее уставилась. И хоть лоб побаливал, шишка точно будет, а в ауру королевишны вгляделась я как следует.

И нахмурилась. Ничего в той ауре не было. Странно, конечно. Вела-то она себя... Ну, вот как проклятые ведут.

Знаю я. У нас в селе одна такая была, тетка Кана. Поехала на ярмарку в соседний городок, шерсть продавать. Да цену такую поставила, что местные скинулись, да и купили стандартное заклятыице на неудачу. А заклятье-то куплено было,

конечно, из-под полы, потому как запрещенное. Понятное дело, сработало, но с сюрпризами. Продать шерсть-то тетка Кана продала, да и с выгодой немалой, а приехала вот примерно такой же, как Вилка сейчас.

Ох, и намучились мы с ней с бабулей-то. Точнее, я намучилась. Бабуля рядом стояла да наблюдала за мной. Учила, как с заклятыцем таким работать надо. Ну, справилась я. Правда, после того случая тетка Кана зареклась не только цену завышать, а и совсем на ярмарку перестала ездить туда. Подалась в восточные княжества, там, говорила, торговля лучше идет.

А с Вилкой не то, тут что-то другое. И я дернула юбки с такой силой, что и сама диву далась. Юбки затрещали и поддались. На радостях я дернула еще сильнее, и нижняя оборка возьми и оторвись.

Светлая мать...

Позор-то какой. Стою, смотрю на свои голые лодыжки, которые выглядывают из-под остатков юбки и медленно краснею.

– Ха-ха-ха! – Вилка захлопала в ладоши и затанцевала на месте. Вот ее накрыло-то как. Юбка в складочку поднялась колоколом, являя всему миру светлые шелковые чулочки.

– Что здесь происходит, адепки? – из-за поворота пока-

зался необычно суровый дядька Симеон. Вот сейчас я бы не рискнула назвать его дядькой. Магистром, только магистром. Темные глаза из-под насупленных бровей смотрели тяжело и остро.

Тильдушка вздрогнула и дернула разошедшуюся Вилку за руку. Вилка только отмахнулась.

Симеон Сатвал, магистр анимагии и бессменный комендант Боевой академии, мигом оценил обстановку.

Бросил взгляд на полураздетую меня и обрывки юбки, которые сиротливой кучкой лежали на ступенях.

На явно беснующуюся Вилку, и нажал на свой браслет. Нажал, а руку-то протянул руку вперед, прямо по направлению к Вилке. Вокруг королевишны замерцал тусклым зеленоватым цветом портал, и через мгновение Вилка исчезла.

Тильдушка же побледнела и опустила руки.

А я так и осталась стоять, с голыми лодыжками.

Похоже, сегодня не судьба мне к ректору попасть. И пусть он меня накажет, пусть. Но в таком виде я точно к нему в кабинет не пойду, ни за что не пойду!

Злые слезы брызнули из глаз, и я стремглав кинулась назад.

Что-то кричал вслед дядька Симеон, но мне все равно было.

В голове билась одна единственная мысль – поскорее

скрыться с глаз.

Глава 35

Прибежала ни жива, не мертва к домику. Давно я так не бегала-то, разве в детстве раннем. Сарафаны да юбки тогда коротенькие были, удобно. Вот и без нижней оборки удобно оказалось. Удобно, но до жути неприлично.

И хоть никого вокруг не было, а я мигом в домик шмыгнула.

Уфф...

Села на лавку в прихожей, ноги вытянула и едва отдышалась. А в избе, чувствуя, пусто. Ни Рыськи нету, никого другого. Лаврика вот тоже нету. И мне бы только порадоваться, да почему-то грустно стало. Некому даже пожаловаться. А хочется, вот честное слово, хочется. Вздохнула я горько и подняла к глазам повыше оторванный подол.

Да уж.

Хотела ты, Ведяночка, сегодня вечером устроить постирушку? А не придется. Толку-то стирать пришедшую в негодность юбку. Ой, да что же это я-я...

Пузырьки-то мои, пузыречки на все случаи жизни!

Скорее засунула руку в глубокий карман, что во шве, и нащупала их.

Как же хорошо, что не пожалела денег тогда бабулень-

ка, заказала пузырьочки из зачарованного стекла, в огне саламандровском.

Вот они, красавцы мои. Целехонькие. Вытащила, каждый рассмотрела внимательно и даже вот расцеловала. Еще бы. Ведь это мое, можно сказать, самое важное наследство. С этими пузырьочками я нигде не пропаду.

Даже если вот и выгонит меня ректор из Академии, а в этом у меня теперь и сомненья не было, не пропаду.

Уговорю Рыську, откроет портал в самый захудаленький городок, или вот в село. В Западный предел убегу! В Западном пределе, бабуля говорила, страсть как не хватает ведьмочек. Правда, она говорила про ведьмочек с дипломом...

Эхх... Нет у меня диплома-то, нету. Ну ничего, зато практики ого-го сколько. Да вот только поди кому докажи, что хоть толком я и не обученная, а умею многое.

Слезы опять к глазам подкатили. Это что же у меня, опять пошла эта, как ее, черная полоса? Но сколько ж можно-то.

Нос мигом покраснел и распух. Хорошо еще, что платок дядьки Симеона у меня сохранился. Пригодился опять.

А ведь что-то он мне, дядька Симеон, кричал вслед.

Но он же тоже мужчина, хоть и оборотнинской крови. И перед ним неудобно в таком-то виде. Ладно. В конце концов,

что это я? Сижу в старом бабулином домике, дух меня признал, даже дядька Силай обедом накормил.

А может, и вообще никакой ректор над этим местом, и домиком не властен?

Я встрепенулась.

А ведь точно!

Не властен он тут, Сандр Огненный. Не зря и ходу сюда нету никому. Без допуска-то.

Опять приуныла я. Допуск ведь ректор дает... Значит, властен.

Ладно.

Браслета у меня нету теперь. Ой... Да ведь это значит, что я не могу по Академии ходить. Стражи же ж!

Светлая мать...

Хорошо еще, что в домике этом я под защитой стен и землицы самой.

Но с юбками все одно нужно что-то делать. Ведь как раз завтра, с утра я собиралась к ректору идти. Сундук свой требовать. Теперь-то этот сундук мне позарез нужен.

А как пойду, без браслета-то и допуска? Ну, как-как. Ведь сегодня я туда запросто прошла. Может, и завтра получится?

Неожиданно я зевнула и потеряла глаза. Глянула в окошко. А за окошком-то уже стемнело. Вечер? Надо же. День про-

летел незаметно.

И мне вдруг до того спать захотелось, что все мысли и о ректоре, и о том, что выгонит он меня, и даже о своих несчастных юбках тихо отправились на покой. Бывает со мной такое. Как приключится чего за день, много разного, так в и сон клонит. А стоит голову только уронить на подушку, засыпаю так крепко, что разбудить меня непросто.

Бабуля как-то назвала такой сон, разок всего и назвала, но звучало очень непривычно. Одно я поняла, что этот сон полезный очень. Восстанавливает связующие нити, нервные, стало быть.

Оказывается, ведьмочками просто необходимо. Особенно не инициированным, что-то там с этими нервами делается, и мы крепче и выносливей становимся.

Но не могу ж я лечь спать вот такой вот, неумытой и с наливающейся шишкой на лбу? Конечно, нет. Зевая, я встала и нетвердой походкой отправилась искать ванный закуток.

Вот до чего денек сегодня был нелегкий.

Я ведь даже толком избу не рассмотрела. Знаю, что уголлок такой должен быть, как иначе-то. Пошла все двери открывать, благо их не так и много оказалось.

Сразу нашла спальню, вот это удача! А

в самой спальне и была дверца, которая вела в ванный

уголок. Ну прямо палаты княжеские, а не домик!

У меня, хоть и глаза на ходу закрывались, а хватило сил оценить и порадоваться.

А когда я зашла в сам уголок, то и сон весь как рукой сняло. Потому что в нем обнаружилось какое-то странное сооружение.

Представьте себе. Такая вот бочка-не бочка, длинная и по форме на огурец похожая, емкость. Над ней занавесочка в тех же синих васильках, что и на окошках.

А на стене – вот как настоящая лейка, а внизу краники. Я ахнула. Это что же, неужели самая настоящая ванна?! Да я таких никогда не видела, разве бабуля как-то раз упоминала.

Ванная...

А где ж вода? В эту ванную сколько ж ведер наносить надо, да еще и нагреть.

Ой, сегодня я на это точно не способна. И Рыську просить не буду. Чегой-то он сегодня тоже сам не свой. Даже ничего мне не сказал, когда книжку назад отправлял.

Молча все.

Ну, у сумрачных рысей бывает. Чем ближе к вечеру, тем они стремятся к дому. Сил там набираются, в подпространстве своем.

На всякий случай подошла поближе к ванной, занавеску

отдернула и дотронулась до краника. Взяла да и повернула. И взвизгнула. Из краника потекла вода.

Самая настоящая вода, холодная и прозрачная.

Вот так дела-а...

Дух домика где-то посмотрелся таких чудес, и решил сделать мне приятное?

– Спасибо тебе, дух родимый, – от сердца сказала я и поклонилась в пояс.

Холодная водица, конечно. Но лицо я умыла да поскорее привела себя в порядок. Сняла юбки, осталась в одной сорочке нижней и потихоньку вышла из ванного уголка.

Как же хорошо, Светлая мать...

Сразу в постель, которую как для меня специально дух раскрыл, у одеяла отвернул уголок.

Подушка пухом набитая, не пером. Красота!

Нет, никуда я не хочу убегать, от такого-то домика.

Свалилась на постель и заснула как убитая. И ничьи зеленые глаза мне не снились, да только проснулась я вдруг. Сама не знаю, отчего. Сердце стучало как сумасшедшее и почему-то было страшно.

Светлая мать... В комнате кто-то был. Я слышала чье-то дыхание. Резкое и прерывистое. Холодный пот потек по спине и ночная сорочка вмиг намокла.

Я заставила себя открыть глаза и задохнулась от ужаса.

Дверь в спальню была открыта и яркая луна светила прямо мне в лицо.

А в проеме двери стоял Сандр Огненный. Ректор Боевой академии, архимаг Огня тяжело дышал и смотрел на меня немигающим взглядом. И глаза его были темны как ночь.

Конец первой части